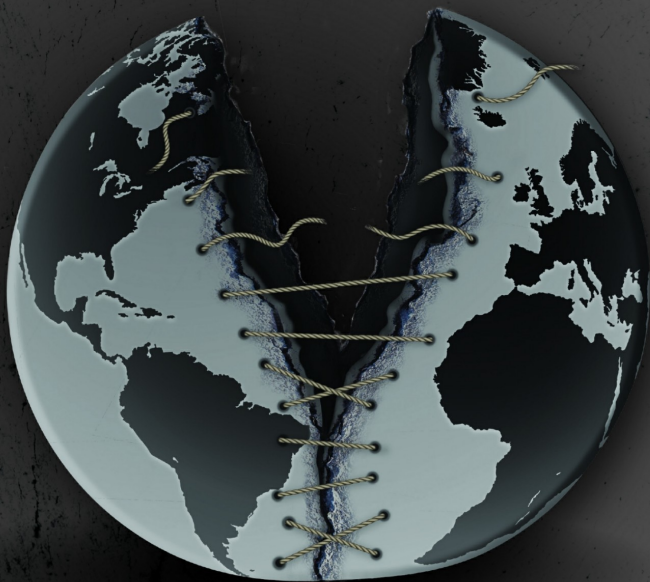

АЛЕКСАНДР БАРКАЛЕВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗОМБИЛЕНД

Александр Баркалев

Центральный Зомбиленд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27620152

SelfPub; 2017

Аннотация

Недалекое будущее Земли. Пережив очередной апокалипсис, технологическая цивилизация процветает в обособленных зомбиполисах. Они отгорожены барьерами от диких народов, управляются таинственными Великими и населены миллионами существ, лишенных чувств и памяти, жизнь которых уж слишком напоминает нашу жизнь. Обычный зомби Кирилл в результате сбоя неожиданно открывает для себя страшные тайны этого зомби-общества. Сможет ли он, в попытке сохранить обретенную индивидуальность, вырваться из-под тотального контроля, спастись от гнева Великих и найти свое место в бездушном мире предопределенности и стандарта?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	55
Глава 4	71
Глава 5	94
Глава 6	105
Глава 7	134
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Перед вами книга о будущем, которая изменит ваше восприятие настоящего... Или не изменит... Можно ли вообще его изменить? Да и кому нужны эти изменения? Мне не очень. А вам?

Поэтому единственное, о чем попрошу, – не относитесь к этому труду слишком серьезно, и тогда он вас, в меру сил моих, развлечет... Или не развлечет... Все возможно в этом дурацком мире. Возможно и то, что написано ниже.

Часть первая

ГОРОД ЗОМБИ

Глава 1

В прошедшую субботу зомби Кирилл потерял где-то свою левую руку. Больше всего его расстраивало то, что он, как ни старался, не мог вспомнить, где именно это произошло. Следовательно, найти пропажу не было никакой возможности.

Кирилл вообще помнил тот день крайне смутно. Как, впрочем, и все предыдущие дни. Однако в памяти всплывало то очевидное обстоятельство, что утром в субботу рука еще была на месте. А вот когда он в воскресенье очнулся после периода бессознания, то нащупал слева только шероховатую неровность.

Не то чтобы потерянная рука всегда была его рукой. Лет десять назад ею заменили другую испорченную руку, которая тоже была не его собственной. Кирилл в принципе знал, что у большинства его знакомых зомби руки портятся и меняются гораздо чаще. Даже его правая рука больше трех лет ему не служила. Это было ему известно точно, так как на каждой руке под локтем присутствовала маркировка с датой

выдачи. С левой же рукой ему повезло. Она уже десять лет не ломалась, не темнела и вообще не доставляла ему никакого беспокойства.

Кирилл открыл для себя сие загадочное несоответствие как-то совершенно случайно. В одно забытое уже им утро, после реализации инстинкта очищения, он вытирался полотенцем и увидел в зеркале, что маркировка на локте левой руки почти стерлась. Почему-то это привлекло его внимание и даже смогло удержать таковое более, чем на десять минут. Благодаря этому Кирилл успел изучить дату на маркировке и сравнить ее с датой на правой руке, замененной за год до того.

Поначалу столь выпирающее расхождение дат просто заинтересовало Кирилла. Потом смутило его. Потом он забыл об этом на неделю. Обычно все, что он забывал на неделю, не возвращалось в его память уже никогда. Однако странная левая рука вновь завладела его вниманием, когда очередной ночью, после реализации инстинкта близости со своей постоянной подругой Полиной, он почему-то начал изучать штампы на ее локтях. Обе руки у нее были новенькие. Одной – чуть больше года, второй – около месяца. Тогда-то Кирилл и вспомнил, вопреки обыкновению вспомнил четко и ярко, затершийся девятилетний штамп на своей собственной конечности.

На всякий случай Кирилл попросил подругу проверить дату на своей маркировке. Лина дату прочитала, откровенно

зевнула и предложила ему самому съездить в Центр замены левых рук. Тот факт, что рука, несмотря на крайне длительный срок использования, до сих пор исправно служила ее постдругу, не произвел на молодую зомби-девушку никакого впечатления. И она вскоре заснула.

Сам Кирилл в ту ночь не спал вовсе. Предложение поехать и добровольно отдать свою старую левую руку в обмен на новую звучало более чем правильно. Однако оно вызвало такое отторжение внутри него, что при одной мысли об этом его передергивало. Кирилла будто попытались незаконно лишить чего-то. И это что-то было очень ценным и очень ему нужным. Всю оставшуюся ночь он ворочался и пытался подумать над этой странной реакцией. Получалось не очень.

Утром он встал засветло, когда инстинкт пробуждения еще не сработал. Как обычно пошел в ванную комнату. Грязным он себя не чувствовал. Грязным он себя вообще никогда не чувствовал. Однако инстинкт очищения неумолимо тянул залезть под горячий душ, намылить мочалку и тереться ею минимум пять минут. Кирилл вошел в душевую кабинку, включил воду и начал привычными движениями смыть с себя видимую и невидимую грязь. К концу очищения он вдруг понял, что ни разу не ополоснул свою левую руку. Постояв секунду, он очень осторожно намылил ее, стараясь чтобы мыло не коснулось локтя, и быстро ополоснул водой.

С той поры левая рука заняла особое место в жизни молодого зомби. Она уже не покидала надолго его мысли и ста-

ла предметом особой заботы. Кирилл старался лишней раз не пачкать и не напрягать ее, укутывал потеплее зимой и укрывал от палящего солнца в летние месяцы. Рука превратилась для него в нечто такое, сама мысль о принадлежности которого тебе, рождает внутри ощущение чего-то теплого и очень приятного. Как это называется, Кирилл не знал, да и не хотел знать.

Первое время Кирилл старался проверить, насколько его рука действительно необычна. Для этого он при любой возможности пытался прочитать маркировку на руках окружающих его зомби. К счастью, было лето, и многие зомби одевались в одежду с короткими рукавами. Цифры Кирилл запоминать плохо, поэтому точные даты на штампах отфиксировать даже не пытался. Его целью было найти такую же старую руку, как и у него. Однако самой старой руке, которую он встретил, было чуть больше четырех лет. Она принадлежала его другу-коллеге из соседнего отдела и выглядела очень подержанной. Скорее всего, это именно она отвалилась во время дружеской игры в электронный футбол месяц спустя, чем сильно повеселила игроков. Хотя Кирилл не был в этом до конца уверен.

Убедившись окончательно в необычности своей левой руки, Кирилл еще раз попытался обсудить ее с Полиной, но та только захлопала ресницами и снова вспомнила про Центр замены левых рук в Химках. После этого разговора она почти минуту смотрела на него таким взглядом, будто счита-

ла его чуть-чуть неадекватным зомби. Удовольствия это ему совсем не принесло, поэтому больше про руку он с постподругой не заговаривал. Хорошо еще, что Лина теряла события в памяти раз в пять быстрее, чем он сам.

Постподруга у Кирилла была в понимании любого адекватного зомби очень даже симпатичной. Стройная, с длинными красивыми ногами и высокой упругой грудью, с большими зелеными глазами и пухлыми губками. Таких зомби-девушек часто показывали по зомби-панели и называли сексуальными. При этом говорили, что зомби-парни, заимевшие такую зомби-девушку в постподруги, должны считать себя счастливыми. Кирилл так и считал. А еще он так говорил, когда друзья-коллеги мужского пола при реализации инстинкта общения искренне сообщали ему, что завидуют и мечтают о такой же постподруге или времподруге, как у него. Реализация инстинкта общения всегда требовала много времени и использования бессмысленных старинных слов, вроде «зависть» и «мечты». Хотя слов этих Кирилл не понимал, но ему было приятно применение их по отношению к нему в подобных разговорах.

Так что Линой он дорожил. Конечно, дорожил не так сильно, как своей внезапно открытой сверхкачественной левой рукой, но в достаточной мере. Даже реализовывать инстинкт общения с Линой было ему в большинстве случаев приятно. Она всегда внимательно слушала его рассуждения и восхищенно хлопала ресницами. Единственные неприят-

ные ощущения, относящиеся к его постподруге, возникали у него при разговорах с зомби-родителями Лины, на которых даже инстинкт общения у Кирилла почти не срабатывал.

Поймав себя на мысли о том, что даже общение с его зомби-девушкой по поводу руки оказалось неприятным, Кирилл больше ни с кем обсуждать ценную руку не захотел. Вскоре он понял, что сохранение его открытия в состоянии незнания для всех остальных зомби, приносит ему еще более приятные моменты, чем сам факт открытия.

В таком состоянии Кирилл просуществовал почти целый год. Никогда до этого за ходом времени он особо не следил и даже не мог сказать, какое сейчас число и какой год, не сверившись предварительно с экраном наручного зомбифона. Кстати, если зомбифон попросить, то он проецировал голограмму очень милой и приятной для любого адекватного зомби девушки, которая подсказывала не только время, но и любую другую информацию. Впрочем, вопросов о чем-то другом у большинства зомби почти не возникало, поэтому за девушкой оставили только время, прогноз погоды и анализ пробок на дорогах. Как-то Кирилл решился и спросил ее про свою руку. Девушка ненадолго зависла, а затем, очаровательно улыбаясь, сообщила, что построить маршрут до Внуково невозможно из-за технического сбоя.

Вопреки столь наплевательскому восприятию времени, прошедший год помнился Кириллу более ясно, чем все предшествующие. Мысль об уникальной левой руке возни-

кала в его голове постоянно, иногда даже при реализации инстинктов близости и общения и, что уж совсем кошунственно, при реализации инстинкта познания во время ежевечернего трехчасового просмотра зомби-панели.

Дошло до того, что в мыслях он начал проигрывать сценки, как будет себя вести, когда все узнают об его уникальной левой руке. Сценки эти были смутными и незавершенными, но по телу при этом пробегала такая приятная дрожь, какой ни разу не было даже при реализации инстинкта близости. Ни с Полиной, ни с бывшей до нее времподругой. Или подругами... Он не помнил ни их количество, ни внешний вид...

По ночам, перед тем как заснуть, он старался прокрутить в памяти всю историю открытия левой руки. Делать это молча было очень тяжело. Слова в голове расползались, как старые тряпки, наотрез отказывались складываться в осмысленные фразы и предложения. Вот почему вначале он мог что-то придумать, только проговаривая шепотом нужные мысли. Для этого приходилось надолго уединяться в туалете и на вопросы Лины о причинах уединения издавать невнятное бормотание.

Несмотря на все эти сложности и запутанности, доводившие его порой почти до головной боли, Кириллу нравилась эта жизнь, свернувшаяся в какую-то немислимую спираль вокруг его левой руки. Приподнятое настроение, вообще не связанное с инстинктом радости, практически не покидало

его круглые сутки. Даже засыпая и просыпаясь, он ловил себя на том, что улыбается. Иногда, правда очень-очень редко, ему даже казалось, что после выхода из бессознания какое-то яркое воспоминание стремительно растворяется в его голове. И он тогда думал, что вдруг это СОН, который он видел ночью. Хотя, конечно, это был полный неадекват для зомби – видеть по ночам сны.

Самое главное внутри у Кирилла сложилось и окончательно закрепилось ощущение того, что такая особенная жизнь была у него всегда. И самое интересное – что она просто не может закончиться. И вот сейчас он стоял перед зеркалом, неловко ощупывал неровные бугры на месте предплечья и думал только об одном...

– Левая рука пропала...

Мысль эта толстой назойливой мухой носилась и жужжала в голове Кирилла. Она ожесточенно препятствовала возникновению какой-либо другой мысли. Губы его шевелились и без конца повторяли эти слова вслух, однако сознание не фиксировалось на них. Неизвестно, сколько продолжалось бы подобное стояние, если бы в ванную комнату не вошла Лина в шелковой пижамке салатового цвета и с заспанными еще ресницами. Пижамка была приталена и ненавязчиво подчеркивала все достоинства зомби-девушки. Не обращая внимания на бормотание своего постдруза, Лина втиснулась между ним и раковиной и умылась. Затем она скинула ночную одежду, обнажив бледно-матовую кожу, и забралась в

душ. Инстинкт очищения был одним из самых сильных и отлаженных ее инстинктов.

Шум звенящей воды наполнил ванную комнату. Своей резкостью и какой-то непреложной обыденностью он мгновенно вывел Кира из полуобморочного состояния. Еще несколько секунд он простоял, разглядывая свое несимметричное отражение в запотевшем зеркале, затем вышел, тихонько прикрыв за собой дверь. Шум хлопающих дверей раздражал его, кажется, с детства. Возможно, именно поэтому он так редко ссорился с Линой. Просто он не хотел, чтобы она хлопала дверью. И это несмотря на то, что инстинкт общения требовал громкого выплеска эмоций хотя бы раз в месяц.

Кирилл прошел в спальню. Кровать уже была убрана, и он растянулся на ней прямо поверх покрывала. Невероятная неправильность и неадекватность этой картины перехватила дыхание его постподруги, вернувшейся вскоре из душа с тюрбаном из пушистого полотенца на голове.

– Есть же кресло и... диван... – скорее с обидой, чем со злостью выпалила она.

– Извини, зайка, – миролюбиво ответил Кирилл, но с места не сдвинулся. Он молча лежал и смотрел в белый крашенный потолок спальни. Посреди потолка одиноко и напыщенно торчала люстра вся в крашенных жестяных розочках. Мысль, что надо встать и по возможности избежать надвигающейся ссоры, как-то не пришла во внезапно опустевшее

сознание. Лина, впрочем, тоже решила не развивать поднятую тему. В четверг она громко поскандалила с соседкой с верхнего этажа, и инстинкт общения пока не побуждал ее к новым крикам.

Девушка скинула халат и, повернувшись к Кириллу спиной, демонстративно стала надевать черные атласные трусики. В воскресное утро это почти всегда приводило к реализации инстинкта близости. Реализацию данного инстинкта Лина считала почти такой же важной, как и реализацию инстинкта очищения. Однако этот день стал исключением. Кирилл смотрел на свою обнаженную подругу и привычно ждал, когда сработает инстинкт и предсказуемо притянет его организм к аппетитным формам постподруги. Минута шла за минутой, но ожидаемое приятное напряжение все не накачивало. В голове крутились какие-то совершенно бессвязные фразы и образы. Время от времени среди них жирным расплывшимся пятном проступала его оторванная рука. Подобная мешанина в конце концов совершенно увела его от предвкушения близости.

Это было очень странно. Никогда ранее никакие мысли, события и даже реальные препятствия не могли предотвратить или хотя бы затормозить включение одного из основных зомби-инстинктов. Только реализация другого включенного инстинкта была способна остановить близость. Впрочем, думать об этом именно сейчас Кирилл был совершенно не готов. Он продолжал смотреть на постподругу, пока ему не на-

чало казаться, что он видит не ее, а свою потерянную левую руку. Тогда он закрыл глаза и начал слушать свое дыхание.

Не дождавшись прикосновений, Лина повернулась к своему зомби-парню и обиженно надула нижнюю губку. Когда и этот маневр не сработал, она закончила свой туалет и села на кресло рядом с кроватью.

– Что с тобой? – ее голос снова выражал обиду.

Вернее сказать, должен был выражать обиду, так как любая адекватная зомби-девушка в такой ситуации должна говорить обиженно. В этом убеждали почти все сериалы, идущие по женским каналам зомби-панели. Лина часто тренировалась и повторяла за героинями таких сериалов особенно понравившиеся фразы, интонации и ужимки, поэтому нотки обиды в голосе у нее получались очень убедительно. На самом деле нельзя сказать, что она не испытывала обиду от того, что Кир не набросился на нее, как обычно, с ласками, подсмотренными им на мужском канале зомби-панели. Наверняка, то ощущение неправильности и даже дискомфорта, которое она испытала, как раз и было обидой, о которой твердили в сериалах. А значит, и реагировать на него нужно было именно так, как реагировали актрисы.

– Что с тобой? – повторила Лина несколько громче.

Кирилл вопрос услышал и в первый раз, но отвечать не хотел. И неожиданно для себя понял, что может не отвечать! Невероятно! У любого зомби, услышавшего вопрос, всегда включался инстинкт общения. Просто всегда... Инстинкт

общения перебивал даже реализацию инстинктов близости и познания. То, что он может не ответить на вопрос, то, что изнутри него не рвутся наружу хоть какие-нибудь слова, заставило Кирилла по-настоящему испугаться.

Скорее от испуга, почти через силу заставляя себя открывать рот, он все же ответил:

– Ничего страшного... Чем-то отравился... вчера... наверное...

Лина, испытывавшая почти такие же неприятные ощущения от повисшего молчания, радостно выдохнула и защебетала:

– Я так и знала! Наверняка вы вчера опять были в этой забегаловке на набережной. И сто процентов заказывали кровати с пивом. Вы там ни разу не выпили пива, не отравившись. Сейчас принесу таблетку...

Она исчезла и через пару мгновений уже действительно запихивала ему в рот розовую желудочную капсулу. Инстинкт самосохранения не сработал, так что вряд ли лекарство было опасно для его здорового организма.

Оглядев друга с торжествующим осознанием выполненного долга, Лина наконец обратила внимание на необычную пустоту слева.

– Ой, у нас ручка отвалилась, – довела она до всего мира свое открытие с тем же радостно-воодушевленным выражением в голосе, с каким мамочки в сериалах говорят: «Ой, у нашего малыша выпал первый зубик!...»

Никогда раньше Кирилл не раздражал до такой степени мелодичный голос его постподруги, как в этот момент. Впрочем, общаться, а тем более ссориться по-прежнему не хотелось, и он позорно сбежал с кровати обратно в ванную. Оттуда Кирилл крикнул, что ему надо помыться, запер дверь и включил душ. Шум воды позволил вновь остаться наедине с той полной неразберихой, которую породило сегодняшнее утро в его несчастном разуме. В том, что разум его был несчастен, Кирилл был абсолютно уверен.

Часом позже, умытый, одевшийся и даже слегка успокоившийся, он сидел за кухонным столом и жевал порошковый омлет. Есть особенно не хотелось. Лина сидела напротив него и внимательно смотрела, как он разламывает, цепляет вилок и кладет в рот куски омлета. Ее взор выражал бесконечную любовь и ласку. Кирилл знал это точно, так как зомби-девушка сама ему об этом сообщила в начале завтрака.

– На понедельник я записала тебя в центр замены, – с улыбкой сообщила Лина.

– Здорово, – без улыбки ответил он.

– Они работают с девяти, – не унималась зомби-девушка.

– Мм, – промычал он, делая вид, что жует.

– Ты знаешь, они сами сообщат на работу, что ты задержишься. Правда удобно?

– Правда, – искренне ответил он и выскреб себя из-за стола.

Инстинкт общения у него по-прежнему не срабатывал, и

единственным желанием было остаться наедине со своими размышлениями и хоть как-то их систематизировать. Однако сделать это не удалось. Выходные дни – это время инстинкта приобретения. Ни один хоть сколько-нибудь адекватный зомби не мог и представить себе субботу и воскресенье без поездки в торговый центр. Деньги, заработанные за трудовую неделю, просто необходимо было потратить, даже если приобретаемые вещи тебе не особенно нужны, а приобретаемые продукты пропадут быстрее, чем попадут в пищевод.

Именно поэтому процесс приобретения именовался реализацией инстинкта. Инстинкт – это когда ты не можешь не сделать что-то, не можешь не подчиниться внутреннему позыву. А если случайно у тебя появляются препятствия для воплощения этого позыва, то ты ощущаешь внутри себя такую пустоту и неудовлетворенность, которые могут вызвать почти реальную боль и даже привести к неадекватному поведению. Вот почему инстинкту следует подчиняться всегда и везде.

Кирилл и сам уже начал испытывать приятное щекотание, возникающее в преддверии покупок. Оно еще не было достаточно сильным, чтобы бросить все и сорваться в пучину трат. Однако, когда, выйдя из-за стола, он привычно чмокнул в губы свою постоянную подругу и их глаза встретились, Кирилл понял, что от реализации инстинкта приобретения не отвертеться ни под каким предлогом. Во внутренней ор-

ганизации Полины инстинкт приобретения правил безоговорочно, заставляя все остальные инстинкты служить ему. Иногда Кирилл допускал даже крамольную мысль, что этот инстинкт у его девушки сильнее инстинкта общения. Впрочем, такого быть точно не могло.

Один мудрый зомби с его работы, как-то объяснил Кириллу, что реализация инстинкта приобретения является для женских зомби-особей обычной прелюдией для реализации инстинкта общения с другими женскими зомби-особями по поводу совершенных покупок. Потом он добавил, что инстинкт близости у них выполняет такую же роль прелюдии к воплощению инстинкта приобретения и что на самом деле близость им не так важна и приятна, как зомби-мужчинам. Кир в тот момент не очень поверил этим словам. Его девушки всегда кричали от удовольствия во время близости и потом говорили, что им было очень хорошо. Однако разговор тот почему-то остался в воспоминаниях. Может быть, оттого, что это был действительно очень умный и очень опытный зомби. Имени его Кирилл, конечно, не помнил, как и имена других ушедших зомби. Память почему-то оставила еще только одну картину: как у пожилого его собеседника прямо на рабочем месте отвалились однажды сразу обе руки, и срочно вызванная бригада робомедиков увезла его на каталке. Больше Кир его не видел, кажется...

– Собирайся же, иначе мы ничего не успеем купить! – голос Лины был нежным, но настойчивым.

Сама она уже сидела перед зеркалом и творила красоту, как она сама выражалась. Без этой красоты Лина нравилась ему больше. У девушки были от природы ярко-выраженные и в то же время очень нежные черты лица, которые ни замазывать, ни подводить не имело смысла. Косметика только портила их. Впрочем, преодолеть влияние зомби-панели, убеждающей подругу в обратном, Кирилл не мог. Да и сам он, посмотрев пару передач или фильмов, регулярно менял свою точку зрения на противоположную.

– Ну же, одевайся, – поторопила его постподруга.

Постоянные подруги вообще любят торопить своих зомби-парней. Кирилл даже как-то специально думал, почему временные подруги этого почти никогда не делают. Или хотел подумать об этом. Кажется... Откопав на своей полке в гардеробе свежие джинсы, носки и толстовку он быстро оделся.

– У тебя там бардак, если хочешь знать мое мнение, – сообщила зомби-девушка, подводя брови.

Кирилл этого вроде бы не хотел знать, поэтому промычал что-то неопределенное.

– Главное, я неделю назад все ровно разложила по полочкам. И когда ты только успел смешать все в кучу?! – огорченно заметила Лина, вытворяя что-то таинственное с помощью пинцета.

Риторические вопросы никогда не пробуждали инстинкт общения и ответа не требовали. Кроме того, Кирилл совсем

не думал, что это – главное. Полностью одетый он поудобнее расположился в кресле и приготовился ждать свою постоянную подругу. Время от времени его правая рука самопроизвольно ощупывала пустой рукав слева, и тогда ему становилось некомфортно. Глупые и, как он подозревал, неадекватные мысли тотчас же заползли ему в голову. Однако непрекращающаяся болтовня Лины, успевавшей одновременно краситься, мерить джинсы, гладить блузки, отвечать на змс-ки подруг и рассказывать ему, что у этих подруг и, главное, их парней происходит, спасительным ветром выносила из головы все ненужное и печальное. Кирилл всегда удивляло, как может делать столько дел одновременно зомби, не способная, дочитав до конца предложение, связано пересказать его начало. Единственным объяснением были ее инстинкты, видимо, сверхразвитые, хотя как-то слишком выборочно сверхразвитые.

Сборы в этот раз отняли у Полины чуть меньше часа. Хотя почему отняли? Судя по ее радостному настроению, скорее добавили. Столь короткое время означало одно – инстинкт приобретения уже заполнил ее сознание до краев. Каким-то необъяснимым образом Кирилл понимал, что в такой ситуации лучше не вставать на пути у его зомби-девушки. Поэтому, как только Лина облегченно вздохнула, напялив очередной несуразный шарфик, призванный стать завершающим штрихом к ее наряду... Как только получила в семнадцатый раз его полное одобрение этого наряда... Как только, нако-

нец, сама, судя по всему, согласилась с этим одобрением и потянулась за сумочкой... В тот же миг Кир вылетел из кресла и устремился к двери. Подойдя к выходу из квартиры, он понял, что совершенно не знает, где лежат ключи от их зомбимобилia. Обычно ключи лежали на тумбе в прихожей. Адекватные зомби всегда выбирают для своих вещей постоянные места хранения и записывают их на подкорку. В противном случае пришлось бы большую часть времени проводить в попытках вспомнить, куда ты положил нужную в этот момент вещь. А вспоминать у адекватных зомби получалось не очень хорошо.

Однако сейчас, именно сейчас, когда сзади гремело дыхание подруги, возбужденное самым охотничьим из инстинктов, ключей на месте не оказалось! Кирилл понял, что громкого разговора все-таки не избежать. Он обреченно плюхнулся на стул и склонил голову в ожидании реализации самой неприятной формы инстинкта общения.

– Милый, что с тобой? – кажется, этот вопрос он сегодня уже слышал.

– Зайчонок, видимо я потерял ключи от машины, – Кирилл постарался, чтобы его голос выражал максимальную степень раскаяния.

Глаза поднять он не решился. Его постоянная подруга была в полтора раза ниже и легче него, но иногда при спорах с ней он испытывал не то что страх, зомби не испытывают страх, а скорее какое-то неосознанное предчувствие, что еще

мгновение – и ему исцарапают все лицо. Правда до реального ущерба у них ни разу дело не доходило. Лина была очень спокойной зомби-девушкой и старалась невротические выплески реализовывать вне отношений с постдругом.

Зомби, как высшая форма разумных существ, в отличие от своих человеческих предков инстинктивно управляли своим психическим здоровьем. Главным образом это делалось через инстинкт общения. Для зомби не были свойственны комплексы и психические патологии. Нервные импульсы бежали по их нейронам четким и уверенным потоком, никуда не сворачивая. Однако для снятия статического напряжения, возникающего в таком потоке и регулярно накапливаемом, зомби необходимо было выплескивать его минимум раз в месяц вовне. Такой выплеск инстинктивно реализовывался как раз через громкое или неоправданно напряженное общение.

Информация эта была раз и навсегда впечатана в мозги Кирилла на школьных тестах. Правда, пару раз он становился свидетелем того, как такое общение на повышенных тонах приводило к реальному физическому ущербу. Один раз в вагоне подземки две общающиеся зомби-женщины в результате «общения» вырвали другу у друга по клоку волос. Впрочем, к концу поездки ни они, ни другие пассажиры вагона этого уже не помнили. Кирилл же, думавший всю поездку о ценности своей левой руки и следивший за складкой лишь краем глаза, забыть ее отчего-то не смог.

Второй случай произошел в их доме, в соседнем подъезде. Громкие крики в открытом окне второго этажа привлекли внимание его и еще десятка зомби, возвращавшихся с работы домой. Зомби не слишком любопытны, но, когда несколько из них становятся очевидцами чего-то неординарного, включается вездесущий инстинкт общения, и они часами могут обсуждать увиденную неадекватность... Пока не разойдутся и не забудут ее. В том окне развивалась ссора постоянных разнополых друзей. Источником ссоры был, видимо, либо инстинкт близости, сработавший у одного из друзей на кого-то третьего, либо инстинкт приобретения, нереализованный у второй половины постоянной пары. Кир склонялся к последней версии. При наличии постподруги инстинкт близости у зомби редко срабатывал на кого-то еще, а если такое и происходило, то это считалось техническим сбоем, не требующим большого внимания и не затрагивающим суть постоянных отношений. А вот разногласия по поводу объекта реализации инстинкта приобретения были очень серьезной и трудно решаемой проблемой.

Кирилл, как и окружающие его зомби-соседи, присоединился к обсуждению причины и содержания криков, вылетавших из окна. Однако вскоре неадекватность ситуации превысила все допустимые пределы. Из окна начали вылетать вещи, а затем вылетел и хозяин квартиры. Неуклюже размахивая руками, он грузно шлепнулся на тротуар, и тут же огласил окрестности душераздирающими воплями. Одна

няя рутина растащила окружавших Кирилла зомби по их делам. Вскоре он заметил, что его зомбифон также настойчиво вибрирует и нажал на «прием». Звонок был пустой, какая-то реклама какого-то торгового центра с формализованным опросом о вкусах и пристрастиях. Но не отвечать он не мог, и разговор затягивал и уводил его от мыслей о произошедшем. Когда наконец зомбифон отключился, Кирилл понял, что стоит уже перед дверью квартиры и даже не смог внятно объяснить открывшей Лине, почему он пришел с работы позже обычного времени.

И только на следующее утро, выйдя из подъезда, он вдруг резко и очень отчетливо вспомнил случившееся вчера. Черного пятна на плитках тротуара уже не обнаружилось, распакнутое вчера вечером окно было закрыто и плотно завешено шторой. Однако Кирилл почти наяву увидел и ссору, и падение, и крики боли, и молчание толпы, и поблескивавшие в лучах заходящего солнца щупальца робомедиков.

Скандаливших зомби-соседей он больше, кажется, не видел, но воспоминание о том инциденте приходило к нему часто. Вообще за последний год у него появилось много неспециальных воспоминаний. Если подумать, то все воспоминания, которые иногда всплывали в его сознании, не будучи притом осознанно записанными на подкорку, относились именно к последнему году... К периоду его левой руки.

От бессвязного потока мыслей, пронесшихся в голове за те мгновения, пока он ожидал надвигающуюся ссору, его на-

конец отвлекло радостное, странно, что не досадное, восклицание Лины:

– Милый, вот же они! Давай пошли!

Посмотрев в указанном направлении, Кирилл увидел ключи от зомбимобиля. Они были решительно впихнуты в замочную скважину входной двери. Изнутри. Это было странно, ведь изнутри квартиры в двери замочной скважины не было. Кир подошел к дверному проему и вытащил ценную находку. На двери осталась дырка. Видимо, кто-то с невообразимой силой вчера пробил обшивку и впихнул ключ туда, куда ему впихиваться было явно не положено. Видимо, этим кем-то был сам Кирилл. Впрочем, поразмышлять над этой загадкой он не успел. Его хрупкая подруга уже выпихивала его вон из квартиры и тащила в сторону лифта.

Глава 2

На лифте они спустились на второй уровень подземного паркинга. Кирилл привычно сел на водительское сиденье новенького черного зомбимобилия. Модель только недавно появилась в продаже, и ее приобретение дорого далось ему не только в части потраченных средств, но прежде всего в части потраченного времени, которое он извел, убеждая Лину в необходимости и в выгоде покупки. Однако машина стоила каждого выложенного за нее юнита и каждой минуты споров. В сиденья, подголовники и даже в педали управления зомбимобилия были встроены автоматические массажеры. Система климат-контроля достоверно воспроизводила атмосферу морского побережья, горного перевала, хвойного леса и еще два десятка типов воздуха. Кроме того, при езде в одиночку можно было спроецировать на соседнее сиденье несколько вариантов зомби-личностей для общения в дороге. Правда, Лина сразу стерла из программы личность самой сексуальной ведущей из зомби-панели. Ну, во всяком случае осталась в полной уверенности, что стерла.

У зомбимобилия было и множество других функций, которые Кирилл никогда не использовал, но про каждую помнил и мог рассказывать часами. При покупке в автосалоне ему на подкорку записали всю техническую информацию по приобретенной машине и еще десяток рекламных буклетов. Это

почти на полгода обеспечило ему темы для разговоров со всеми зомби-мужчинами как на работе, так и в любом другом месте, где включался инстинкт общения.

Машина распознала ключи заранее, и, когда Кирилл и Лина уселись на передние сиденья, двигатель уже работал, кресла приняли запрограммированное положение, а салон наполнили музыка и ароматы цветущего розария, так нравящиеся Лине. По совпадению, та же музыка и те же ароматы были признаны самыми стильными в последнем цикле передач зомби-панели, посвященных данной теме. Кирилл взялся за руль. Что-то было не так. Лина смотрела в зеркальце, ее все устраивало, двигатель урчал вполне обычно, смазливый зомби-парень на мини-панели тянул типовую мелодию о разбитой зомби-любви... Но что-то было не так.

Решение выдал навигатор зомбимобиля. Нежнейшим голосом он проворковал:

– Датчики сообщают об отсутствии левой руки у водителя. Подтвердите, пожалуйста.

– Да. – Лина всегда успевала влезть в его общение с навигатором пусть на доли секунды, но раньше него самого. – А что делать?

В ее голосе родилась тревога за судьбу воскресных покупок.

– Прошу сообщить маршрут, нажать кнопку снятия с тормоза и кнопку автоводителя, – навигатор с явным удовольствием в голосе вывел зомби-девушку из затруднения.

– Торговый центр 10, левое крыло, – выпалила Лина и, погладив Кирилла по руке, сказала уже ему: – Милый поехали.

Кир с важным и серьезным лицом нажал нужные кнопки. В отношении зомбимобиля он был, безусловно, главнее. Машина плавно тронулась и, огибая углы подземной парковки, направилась к выезду из нее.

На улице торжествовала весна. Солнце светило ярко и вызывало внутри какую-то легкую и совсем ненавязчивую неадекватность. Кирилл и Лина оба относились ко второй, средней, категории зомби, поэтому и жилье, и зомбимобиль у них были второй, средней, категории. Их квартира на тридцать втором этаже пятого блока жилого комплекса №42 Юго-запада была в меру просторна и с новой хорошей обстановкой. Они могли позволить себе покупки в торговых центрах второго и даже изредка первого класса, посещение соответствующих ресторанов и фитнес-центров, а также отдых на курортах аналогичного уровня. Когда подойдет время и сработает инстинкт приобретения детей, они наверняка смогут купить более просторную квартиру в семейном жилом комплексе или даже домик в тихом пригороде. Именно так поступали зомби средних категорий во всех фильмах и сериалах.

Отнесение зомби к определенной категории было еще одним великим эволюционным достижением. Сразу по окончании школы на выпускных тестах зомби сканировался на предмет объема подкорки и, исходя из этого, выяснялось

в каком направлении и на каком уровне должен реализовываться его рабочий инстинкт. Для особо одаренных зомби-детей классифицирующие тесты могли проводиться в более раннем возрасте.

Разумеется, даже зомби с максимальным объемом памяти не назначался мгновенно на руководящую должность первого уровня. Для этого необходимо было завершить тест-обучение в первоклассном институте, получить трудовое место и построить профессиональную карьеру. Однако начальная ступень для старта такой карьеры, вполне естественно, была разной. Зомби, отнесенный к последней, третьей, категории, не мог быть назначен на место, предназначенное для второй и тем более первой категории зомби. А значит, он не мог рассчитывать и на те материальные блага, которые этим местом обеспечивались.

Впрочем, такая система не содержала и намека на то социальное неравенство, которое поддерживалось вымершим ныне человечеством. Блага, предоставляемые последней категории зомби, не были качественно и количественно меньше или хуже, чем блага категорий более высоких. Они просто обладали меньшей престижностью. Предоставление же более престижных благ более полезным в части объема носимой информации зомби позволяло поддерживать нервно-психическое их состояние в абсолютной гармонии. Именно такой подход в социальной организации зомби исключил все те конфликты и точки напряжения, что постоянно угро-

жали человеческому обществу в прошлом. Место для этой теории находилось на подкорке у любой категории зомби, как и место для инструкции по пользованию лифтом или зомби-панелью.

Кириллу описанная теория всегда казалась очень правильной и красивой. Гордиться он не умел, но испытывал от мысли о принадлежности к такому обществу наполняющее теплое удовлетворение, ну как от стейка, съеденного в ресторане первого класса. Взглянув на новенькие, сверкающие стеклом и металлом, башни-блоки его родного жилого комплекса, он еще раз подумал, что мир полон правильности и адекватности.

Зомбимобиль уже выехал на улицу 01-03, на которой стоял жилой комплекс, и сразу же встал в пробку. А вы как хотите? Только в их комплексе, в десяти блоках, проживало более десяти тысяч зомби средней категории. А есть еще несколько соседних комплексов. А на улице полдень воскресенья. И почти у всех адекватных зомби включился инстинкт приобретения. Хотя в отношении женских зомби-особей слово «почти» в этой фразе явно неуместно, у некоторых из них инстинкт приобретения вообще не отключается. Поэтому пробки на улицах были неизбежны, и Кирилл относился к ним соответственно. Он поуютнее устроился на сиденье и развлекался тем, что смотрел в окно и давал не слишком информативные комментарии на фразы неумолкающей Полины. В процессе любой совместной по-

ездки инстинкт общения у его постоянной подруги срабатывал вместе с мотором, но вместе с ним же не отключался. Противоречие, над которым, наверное, стоило подумать, но очень не хотелось.

Вначале Лина рассказала ему о том, чего у нее в наличии просто нет и чего катастрофически не хватает. После этого было перечислено то, что есть, но в таком состоянии и из таких устаревших коллекций, что правильнее считать, будто этого нет вовсе. Третьей фазой было обычно перечисление тех вещей, которые у нее, конечно, были бы, если бы ее близкий постоянный друг по-настоящему хорошо к ней отнесся. Эта стадия требовала наиболее активного соперничества и убеждения. Общение при этом обычно строилось по принципу: «Ты меня не любишь!» – «Да люблю я тебя!!!»

Слово «люблю» Кирилл часто слышал от себя, от Лины и от других зомби. Смысл этого слова он до конца не понимал, но знал, что применять его нужно только в отношении постоянной или временной подруги, своих родителей и детей, своего зомбиленда. А вот использовать его в отношении родителей жены было как-то неправильно. Кроме того, слово это было уместно в определенных ситуациях, например сразу после реализации инстинкта близости, даже если ты его реализовал случайно не со своей постоянной подругой. Значит, слово это было хорошее, впрочем, как и множество других хороших слов. Лично Кирилл, в частности, считал самым хорошим слово «тепло». В последние месяцы он по-

чему-то все время чувствовал, что мерзнет, или, вернее сказать, не до конца согревается.

Однако отвлекаться от разговора Кириллу не стоило. В третьей стадии общения, предшествующего реализации инстинкта приобретения, нужно было очень вовремя вставлять в него то самое слово «люблю», а также слова «конечно» и «куплю». Кирилл эту стадию почему-то не очень любил и старался завершать ее побыстрее. В этот раз ему крайне повезло. Третья стадия только-только началась, как у Лины запищал зомбифон. Кирилл не смог сдержать облегченного вздоха. Девушка вздох заметила, но комментировать не стала, а потому почти сразу забыла. У нее висело целых два непрочитанных комментария в соцсети №3. Третья сеть считалась самой женской и романтичной. Если в первой сети обязан был регистрироваться каждый адекватный зомби, без этого ему просто не выдали бы идентификацию, то в остальных девяти сетях регистрация проводилась по желанию и интересам. Вторая, например, считалась самой серьезной и политизированной, а восьмая – слишком детской. Чем таким особенным отличались остальные сети, Кирилл в данный момент не помнил, но вот третья – это была сеть, в которой иметь аккаунт обязана была любая адекватная зомби-женщина и зомби-девушка старше десяти лет. Впрочем, добрая половина его знакомых зомби-мужчин там тоже были. Если ты следишь за модой, дизайном, косметикой, сериалами из зомби-панели и перипетиями отношений зомби-зна-

менитостей, то ты не мог пройти мимо регистрации в трёшке.

Лина между тем с упоением погрузилась в комментарии к своему вчерашнему комплекс-репортажу с выставки хищных орхидей в Коломенском. Как же хорошо, что Кириллу удалось вчера уклониться от этого мероприятия, под предлогом общения с зомби-друзьями, одному из которых необходимо было выбрать новую машину и утилизировать старую. Лина, конечно, знала, что такое общение, скорее всего, закончится в какой-нибудь забегаловке, но не отпустить не могла. Нельзя препятствовать реализации инстинкта общения во избежание конденсации вредной нервно-статики. Именно это записали на ее подкорку на тестах по социализации в школе. Кстати эти тесты единственные проходили у зомби-девочек и зомби-мальчиков отдельно. На них, помимо прочего, записывались программы сексуального общения и близости, объединять которые для разнополых зомби точно нельзя.

По салону зомбимобиля расползались не слишком приятные ароматы хищных орхидей. Комментариев к репортажу было очень много. Половину из них Лина отсмотрела и встречкомментила утром, едва проснувшись. Встречкомменты на вторую половину она диктовала в процессе раскрашивания своего милого личика перед поездкой. Обычно за двадцать четыре часа заканчиваются комментарии к любому материалу в сети, даже к самому будоражащему. И материал

этот благополучно сливается куда-то в архивы соцсетей. Нет, конечно, можно залезть в эти архивы и пересмотреть материал, но никто этого никогда не делает. Да и зачем копать в каком-то старье, которое не помнит даже тот, кто его создал? Собственно, и встречкомменты, сделанные после этого срока, уже никто не слушает и не встречкомментирует. Вот почему два комментария, полученные, так поздно после выкладки репортажа, очень впечатлили Лину, и она даже начала сама его пересматривать, просто чтобы вспомнить.

Уход постподруги в соцсеть дал Кириллу неоценимую возможность побыть наедине со своими мыслями. В последнее время эта возможность выпадала ему не так часто, как хотелось. Если быть до конца откровенным, то эта редкая возможность практически отсутствовала в жизни любого адекватного зомби. Время зомби жестко расписывали по дням, часам и минутам его собственные инстинкты. Абсолютно бесполезную порчу столь драгоценного ресурса, как время, в попытках о чем-то «поразмышлять» или за чем-то «понаблюдать» ни один зомби не просто не мог себе позволить, но и склонности к этому не проявлял никогда.

Вообще-то Кирилл и сам до последних месяцев к подобному, кажется, не стремился. Инстинкты работы, приобретения, познания, чуть-чуть близости и очень сильно общения, и еще множество других эволюционно-полезных инстинктов саморазвившихся в личности зомби, надежно предохраняли его от вредной или хотя бы просто бесполезной мысленной

активности. Однако спустя какое-то время после открытия Кириллом уникальности своей левой конечности, начали на него накатывать необъяснимые периоды внутреннего ступора. И тогда он ничем уже не занимался, а только думал и думал, и порой сам не мог сформулировать, о чем он думал и до чего додумался. Эти дурацкие приступы поначалу сильно тревожили его и заставляли сомневаться в собственной адекватности. Однако в конце концов он примирился с ними и стал считать их частью своей уникальности. Ну как левую руку, столь долго задержавшуюся на его плече.

Вот и сейчас, оставив Лину по уши увязшей в соцсети (написав наконец свои встречкомменты, она пустилась комментировать и оценивать утренние выкладки подруг и знакомых, а также всех попавшихся по пути зомби), Кирилл погрузился в несколько бессвязные размышления. Вначале он думал о том, зачем вообще было учиться управлять зомбимобилем, если в каждой современной машине есть функция автоводителя на случай потери рук. Между тем инструкция по вождению и уходу за машиной пишется на подкорку каждого взрослого зомби и наверняка сильно загружает память.

Затем он наблюдал за сумасшедшей весенней мухой, каким-то неведомым образом проникшей в салон, а может, и проспавшей в нем всю зиму и выведенной из комы настоячивыми лучами яркого солнца. Муха вела себя совершенно неадекватно. Она носилась вдоль лобового стекла, непрерывно билась в него, после на секунду садилась на руль или

на оставшуюся руку Кирилла, а затем с разгона тыкалась в его нос или щеку. И снова она возвращалась к лобовому стеклу, оглашая салон машины веселым гудением. Муха как будто просила прихлопнуть ее, поскорее завершив столь бессмысленные упражнения.

Кирилл потянулся было уже наказать надоеду, в очередной раз выводящую кренделя прямо перед его носом. И вдруг, сам не зная почему, он не стал этого делать. Более того, он слегка опустил боковое стекло, давая мухе спасительную лазейку. Насекомое, однако, ничуть не впечатлилось его благородным поступком и продолжало стремиться к гибели с настойчивостью самоубийцы. Странное слово – «самоубийца». Оно выплыло откуда-то с самых глубин памяти, грубое, злое и слегка липкое. Несколько минут Кирилл даже думал, что он сам это слово придумал. Никто из его знакомых зомби явно его не употреблял в своей речи. Даже в теории Кирилл не представлял, что разумное существо может вопреки всем инстинктам лишиться себя жизни. Но нет, слово было явно старое и тяжелое, наполненное каким-то пусть не хорошим, но глубоким и сильным содержанием. Где он мог его услышать? Возможно, в каком-нибудь старом тесте по социализации или по истории эволюции зомби. Собственно, напугало Кирилла не само слово, а то, что ему вдруг подумалось о возможности его применения к зомби. К любому зомби, даже к нему самому...

Хлопок по щеке был негромким и слегка влажным. Не от-

рываясь от проекции экрана зомбифона, Лина левой рукой пришлепнула муху, когда та на пару мгновений замерла на его щеке, видимо, тоже размышляя о собственной смерти. Скомканные останки насекомого зомби-девушка смахнула в сторону передней панели.

– Милый, тебе так тяжело без одной руки... – Голос Лины был натренировано сочувственным. – Хорошо, что завтра ее уже заменят.

Девушка, не выныривая из сети, подставила щеку, и Кир обреченно чмокнул ее. Впрочем, целовать нежно-бархатистую упругую кожу Лины было очень приятно. Он даже подумал бы, что у него включается инстинкт близости, но это был полный бред. Инстинкт близости не мог включиться внутри машины. Просто не мог и все.

Слова постподруги вновь вернули мысли Кирилла к теме, от которой он так старался убежать с самого утра, – к потерянной левой руке. К руке, которая делала его таким необычным зомби. Чувство пустоты слева стало почти физически осязаемым. То, что завтра на этом месте появится другая, новая левая рука, почему-то совсем не успокаивало его. Вопреки всей зомби-логике он понимал, что это будет уже не совсем он, что какая-то его часть уже ушла и больше не вернется.

Он вновь попытался вспомнить вчерашний день. Получилось еще хуже, чем утром. Заведений, в которых они побывали с зомби-друзьями, было явно больше трех. Пили они

что-то явно крепче пива. И он в принципе не мог вспомнить, ни где они были, ни что пили, не говоря уже о том, где исчезла столь дорогая ему конечность. Звонить остальным участникам веселого отдыха было более чем бесполезно. Даже проведенный в трезвости вечер они на следующий день не могли вспомнить хоть сколько-нибудь четко. Кроме того, Кирилл не без основания подозревал, что его расспросы о подробностях такой мелочи, как потеря руки, вызовут у них некоторые сомнения в его адекватности. Все эти мысли уже практически привели его к выводу, что лучше бы он вовсе не обращал внимания на дату на своей потерянной руке. А еще лучше бы она отвалилась в положенный ей срок и не выносила ему мозг. Фразу эту активно использовали в одном из новых ситкомов по зомби-панели. Смысл ее особенно никто не понимал, но использовали все, потому что произносивший ее герой считался самым крутым зомби в сериале.

Зомбимобиль в очередной раз тронулся и повернул с улицы 01-03 на улицу 14-14. Последняя упиралась в проспект Л, одну из основных магистралей М-полиса. Когда-то давным-давно и у проспектов, и у улиц, и, видимо, даже у полисов были, помимо буквенного или цифрового кода, еще и длинные исторические названия. Однако записывать их все на подкорку оказалось нерациональным. Потому за ненужностью они постепенно вымерли, как и человечество, бездумно их насоздававшее.

Съезд с улицы на проспект плотно стоял. Притом сам про-

спект был полностью свободен. Видимо снова ждали проезда Великих. Сей факт означал, что им с Линой придется простоять на съезде еще минимум полчаса. Впрочем, ради реализации инстинкта приобретения такая потеря времени считалась вполне приемлемой и, кстати, потерей не называлась.

Кирилл ни разу в жизни Великих вблизи не видел. Уж это-то он знал точно, просто потому, что ни один зомби средней категории не мог попасть туда, где можно увидеть Великих. Официальная запись на подкорке неизменно сообщала ему, что Великие – это предвестники следующей эволюционной ступени развития зомби. Инстинкты Великих были настолько развиты, что позволяли им самосовершенствоваться без ущерба для нервно-психосоматического баланса. Более того, у Великих развились новые инстинкты, в том числе инстинкт управления, при реализации которого они инстинктивно принимали в отношении других зомби решения оптимальные для этих зомби. Именно поэтому Великие занимали самые ответственные должности в зомбиленде и заслуженно пользовались дополнительными благами, не доступными обычным зомби. Одним из таких благ была езда без пробок в сопровождении кортежа робополицейских.

По зомби-панели время от времени Великих показывали, правда, почему-то в виде нарисованных портретов. И при виде их мудрых и опытных лиц у адекватных зомби всегда включался инстинкт уважения (инстинкт достаточно редкий и в обычной жизни малоприменимый). Официально счита-

лось, что до уровня Великого может развиваться зомби высшей, первой, категории. Кирилл таких видел часто, но на Великих они не очень походили, хотя некоторые пытались что-то подобное из себя изобразить. Видимо, это были зомби не слишком качественной первой категории.

Где-то ближе к центру полиса наконец проявились сирены кортежа. Сирены были вполне обычные, но при их звуках у Кирилла неизменно возникали крайне необычные ощущения. По сути, должен был включаться в чистом виде инстинкт уважения. И он, конечно, срабатывал, только вот был он сильно приправлен какой-то почти физически ощутимой заторможенностью. А когда сирены проносились совсем рядом, Кирилл испытывал и вовсе необъяснимые ощущения, напоминавшие напряжение, предшествующее реализации инстинкта близости, смешанное с жутким желанием пить и легким предчувствием, что сейчас вырвет. Состояние это проходило быстро, и Кирилл ни с кем не делился его описанием, тем более что раньше (до эпохи левой руки) забывал о нем в течение получаса. Тем не менее, он подозревал, что сидящая рядом с ним Полина, испытывает что-то очень похожее. Видимо, как и все остальные рядовые зомби.

Сирены вопили уже совсем близко. Вскоре в разрывах между впереди стоящими зомбимобилями Кирилл увидел пять промелькнувших черных машин. Длинные, приземистые, с полностью затемненными стеклами и сверкающими сверху маячками, они производили очень солидное впечат-

ление. Перед машинами мчались моторизованные робополицейские вдохновляюще-голубой окраски. Инстинкт уважения внутри Кирилла почти зашкаливал. Он сглотнул слюну, потом еще раз, ощущение тошноты отступало вместе с затухающим воем. Через минуту рядом зашевелилась Полина и сразу вновь пропала в сетевых разборках. Инстинкт общения брал свое.

Кирилл взглянул на свой зомбифон. Малиновое подергивание настоятельно советовало ему проверить входящие сообщения в сети и в почте. Делать этого отчего-то не хотелось. Его инстинкт общения опять барахлил и наотрез отказывался включаться. Мысль о проблеме с базовым инстинктом во второй раз за день мурашками пробежалась по его коже. Словно преодолевая сопротивление неожиданно загустевшего воздуха, он потянулся к устройству. Ничего не получилось. Тянуться было нечем... Так вот почему не срабатывал инстинкт общения! Причиной явно была потеря ведущей руки. Дело в том, что Кирилл носил зомбифон на правой руке, поэтому для управления ему нужна была левая. Большинство зомби поступали наоборот, но и число зомби-левшей было немаленьким. Разумеется, можно было включить зомбифон голосом, но Кирилл настолько обрадовался найденному объяснению и поводу не заставлял себя общаться, что напрочь про это забыл. Ну, или очень захотел забыть.

Между тем, на перекрестке зажглись зеленые разрешаю-

щие глазки светофоров, и зомбимобили медленно потянулись на поворот.

В торговом центре №10 Кирилл и Полина провели весь остаток воскресного дня. Гигантский комплекс зданий, павильонов и корпусов, соединенных паутиной переходов и галерей, с бесчисленными эскалаторами и лифтами, сложно было обойти за целую неделю. Однако Лина всегда точно знала, где и что искать. Существенную часть своей подкорки она потратила на запись подробнейших сведений обо всех торговых центрах, находящихся недалеко от их дома. Поэтому хотя передвижение ее внутри комплекса и казалось Кириллу несколько хаотичным, но было оно исполнено внутренней четкости и строгой последовательности. Каждый рынок в сторону очередного павильона или бутика неизменно заканчивался новым приобретением. При этом жизненный тонус Лины повышался с каждой купленной и нагруженной на Кирилла вещью.

Кирилл особенно не переживал из-за количества приобретений. Торговый комплекс №10 был предназначен для зомби второй категории, так что цены здесь были ему вполне доступны. Разумеется, если волей какого-то случая сюда забредал зомби третьей категории, то его пластик быстро обнулялся и уходил в минус, о чем сразу же предупреждали грозно-малиновые сообщения зомбифона. Впрочем, третьих Кирилл здесь никогда и не видел, а вот зомби первого уровня изредка навевывались в такие торговые центры.

Покупать они здесь ничего не покупали. Для них это было бы неадекватным отказом от бонусов их уровня. Нет, обычно они просто прогуливались вдоль витрин, ненароком выпячивая свои брендовые вещи и гаджеты, и навязчиво громко обсуждали некачественность местного ширпотреба. Киру это не очень нравилось, но таков был один из бонусов первых, и подкорка упорно указывала на его заслуженность.

Однажды (по крайней мере, за то время, что он помнил) они с Линой заехали в торговый комплекс третьего уровня. В тот день на работе прошли ежегодные повышения, и прошли они полностью мимо Кирилла. Данное обстоятельство вызвало внутри у него не очень приятный зуд, не отпускавший до самого вечера. Когда же после работы он заскочил за Линой, и они поехали в сторону дома, тот же зуд заставил его свернуть к малозаметному комплексу серого цвета. Серый цвет – это отличительная метка третьей категории. С первых же шагов сквозь толпу, заполнявшую его... толпу в явно третьеразрядной одежде, с явно третьеразрядными зомбифонами... толпу, источавшую запах явно третьеразрядной косметики... Кирилл ощутил такой внутренний подъем, что не только зудящее ощущение, но и все остальные неприятные мысли покинули его. Он даже перестал испытывать неудобство от новых ботинок, натерших ему здоровенную мозоль. Главное было то, что это его второразрядные ботинки.

Полина, сильно сжавшая его руку, испытывала, видимо,

то же самое. Они прошлись сквозь взволнованные шепотки окружающих по первому этажу комплекса, купили какой-то ненужный платок и с облегчением покинули серую торговую территорию. Кирилл хотел еще присесть выпить кофе в местном кафе, но серые метки третьих на одежде ВСЕХ посетителей его отпугнули. Лина несла платок, с осторожностью держа двумя пальцами на слегка отведенной руке. Она как будто одновременно и опасалась, что эта вещь с маленькой серой биркой, прикоснется к ее стильному костюму, заразив его чем-то неизвестным и опасным, и в то же время не хотела показать это опасение. Ведь это так неправильно – чураться зомби, только из-за их категории. Глядя на нее, Кирилл тогда, несмотря на собственное воодушевление, почему-то поморщился. Ему пришло на ум, что оба родителя его девушки тоже были третьими. Вообще-то, до тестовых распределений и она сама должна была проводить большую часть времени в подобных местах, среди подобных вещей и их обладателей. К счастью, сама Лина этого не помнила, видимо, хорошенько почистила подкорку при дозаписи данных.

Из нагромождения мыслей о столь впечатляющем визите Кирилла вытащил очередной разговор Лины с зомби-консультантом. В каждой торговой точке имелось минимум три зомби, работающих торговыми консультантами. Вопреки должности к торговле они отношения не имели. Все манипуляции по поиску товара, его упаковке и принятию оплаты

успешно выполняли торгроботы. Зомби-консультанты реализовывали более важную функцию. Они вызывали у зомби-покупателей инстинкт общения и помогали с его реализацией. При отсутствии покупателей консультанты практиковались в общении друг на друге. Впрочем, инстинкт общения был у них настолько натренирован, что и наличие покупателей не мешало им непрерывным потоком источать устную информацию на своих коллег.

Иногда такая неадекватность рождала в клиентах не просто инстинкт общения, а стремление пообщаться на повышенных тонах. Консультантов это никогда не останавливало. Все они были из третьих, но на работе носили одежду с белыми метками второй категории. Иногда им разрешалось даже приобретать эти вещи по сниженным ценам. По этой причине зомби-консультанты не ощущали никакого смущения и пиетета в отношениях с клиентами более высокой категории и позволяли высказывать открыто все, что рождалось на языке.

Общение, привлекшее внимание Кирилла, происходило между его зомби-подругой и долговязым парнем-консультантом с модно-размазанной по всему лбу челкой. Лина уже практически орала на него из-за того, что он не мог или не хотел показать, где лежит нужная ей тушь для ресниц. Из пары фраз Кирилл понял, что орет Лина уже минут десять. При этом она не собиралась ни покинуть магазин, ни повернуться к стоящим рядом трем торгроботам, услужливо при-

катившим три блока с искомой косметикой. Зомби-консультант, однако, хотя и был мужского рода, в споре зомби-девушке не уступал. Несколько скрипучим голосом он пусть на тон ниже, но с таким же воодушевлением разъяснял Лине правила общения адекватных зомби в приличных парфюмерных бутиках. Еще три консультанта, на этот раз девушки, стояли невдалеке и с интересом подкидывали спорящим новые темы для обсуждения.

Кирилл с облегчением вздохнул и спрятался за стойкой с туалетной водой. Столь мощный выплеск негативных эмоций гарантировал ему минимум на пару дней спокойствие и очарование в семейной жизни. Крики продолжались еще минут двадцать и стихли абсолютно внезапно. Через секунду Лина возникла рядом с ним, победно сжимая в руке тушь. Видимо, у парня запас негативного напряжения оказался намного меньше.

– Полный неадекват, – проворковала Лина и чмокнула Кирилла в нос. – Ну, меня-то он надолго запомнит...

– Ага, – сказал Кирилл, будучи по неизвестной причине полностью уверен, что через пару часов и консультант, и Лина забудут о своем знакомстве.

Торжество инстинкта приобретения, между тем, завершилось перекусом в одном из ресторанчиков, мелким бисером рассыпанных по просторам торгового центра. После чего они в буквальном смысле сгрузились в зомбимобиль и встали в обратные пробки, выстроившиеся на пути к дому. Ин-

стинкт приобретения был успешно реализован.

Постподруга еще раз чмокнула его в нос. В каком идиотском сериале она высмотрела этот способ поощрения, Кирилл не знал. Да если бы и знал, ничего сделать с этим не смог бы. Лина между тем, исполнив все известные ей ритуалы адекватной подруги, которой купили все, что она попросила, включила зомбифон. Обратная дорога всегда посвящалась обсуждению покупок с мамой, подругами и просто знакомыми, которые, в свою очередь, рассказывали о плодах реализации своего инстинкта приобретения.

Собственный аппарат Кирилла настойчиво вибрировал. Общение по поводу купленных ценностей вовлекало не только зомби-особей женского пола. Его знакомые зомби-парни могли обсуждать обновления часами, ничуть не уступая подругам. Кирилл отвечать не собирался. Отсутствие левой руки оставалось прекрасным поводом побыть в информационной обособленности. Очередное странное слово выплыло из глубин сознания и настолько ему понравилось, что он шепотом повторил его несколько раз, стараясь запомнить. «Обособленность»... Странно, почему раньше из глубин сознания у него ничего не выплывало? Да и о существовании таких глубин он даже не подозревал...

Зомбимобиль заунывно ерзал в вечерних пробках в сторону центра и жилых кварталов. Изменчивая весенняя погода вместе с сумерками принесла надоедливый мелкий дождь. Зомбифон продолжал нагло теребить его правое запястье.

Функция полного отключения сигнала в этом гаджете не была предусмотрена. В самом деле, какому зомби со здоровой подкоркой придет мысль отключить основное средство дистанционного общения?

Кирилл закрыл глаза, мысли его замедлились, а затем и вовсе расползлись до каких-то ошметков. Потерянная левая рука уже порхала перед ним как прекрасная белая бабочка, оглашая окрестности таинственным свистом. Потом она вдруг начала менять цвет, превратившись вначале в огненно-желтую, затем в ярко-красную, почти багровую, и, наконец, приобрела нежный салатный оттенок. При этом рука все время выделяла в воздухе самые замысловатые кульбиты. Пальцы ее были широко расставлены и время от времени сжимались в кулак, как будто грозя кому-то, сидящему за спиной Кирилла. Ощущение, что сзади кто-то есть и этот кто-то представляет большую опасность, нарастало. Кирилл знал, что следует повернуться и посмотреть, но никакими усилиями не мог заставить себя сделать это.

Неожиданно рука приблизилась к его лицу и осыпала ударами пылающие щеки Кирилла. Он старался увернуться от ударов, защищаясь оставшейся правой конечностью. Однако спасения не было, пощечины прилетали одна за другой. От одной из них, наиболее весомой, голова Кирилла резко дернулась влево. На какой-то короткий миг взгляд его утонул в темноте, и этого мига хватило, чтобы различить в самой середине тьмы бесформенный сгусток, выпустивший десят-

ки туманных щупалец в его сторону. Каждое из них жило, кажется, собственной жизнью, вытягивалось, скручивалось в замысловатые петли, захватывая пространство. И по некоей неведомой причине Кирилл знал, что жизнь эта разумна и стремится к одной цели. И цель эта – дотянуться до него, проникнуть в него, поглотить его... Кир ощутил дикий холод в ногах и резкую неприятно тянущую пустоту в районе груди, лоб его покрылся липкой испариной. Невероятным усилием всех стонущих мышц он бросил свое тело вперед, подальше от страшной темноты, и очнулся...

Сразу пришло ясное понимание времени и места. Щеки горели, лоб был влажным и сильно болел. Зомби вообще-то не испытывают реальной боли, но при механических повреждениях организма внутрь их мозга поступают нервные импульсы с информацией о неадекватности происходящего. Импульсы эти вызывают ощущение резкого дискомфорта, которое традиционно именуется болевым синдромом. Институтский курс основ строения и функционирования зомби-особей мгновенно предоставил Кириллу нужную информацию. Видимо он ударился лбом о переднюю панель машины. Справа моргали недоуменные глаза Лины.

– Милый, ты в порядке? – голос зомби-девушки почти осип от напряжения. – Что с тобой произошло?

– Кажется, отключился ненадолго... – Слова подбирались с трудом. – Наверное, устал.

– Но, милый, инстинкт отдыха должен включаться в

спальне, а не в машине. – Напряжение в голосе Лины усиливалось. – Отдыхать в машине неправильно...

Вместо слова «неправильно» явно должно было прозвучать слово «неадекватно», но сказать это вслух Лина не смогла. Слово было слишком страшное, чтобы применить его к постоянному другу. Впрочем, испугана девушка не была. Напряжена, поставлена в неудобное положение, может быть, даже расстроена, но не испугана. Адекватные зомби никогда и ничего не боялись, само понятие страха совершенно выпадало из той системы инстинктов, что управляли жизнью зомби-общества. Страх могут испытывать только животные, ну и, может быть, те не-совсем-человеки, которые ордами бродят за Барьером. Они, впрочем, ничем не отличаются от животных.

– Наверно, утреннее отравление еще не прошло, – успокоил подругу Кирилл.

В глазах Лины засветилось невероятное усилие, с которым она пыталась выудить из своей памяти события прошедшего утра. Сделать ей это не удалось, поэтому, придав лицу должную степень сочувствия, она сказала:

– Бедный котик, тебе обязательно надо выпить пилюлю, как только доедем до дома. Потерпи чуть-чуть.

Девушка потрепала его по волосам, скорчила самую милую гримаску и снова нырнула в пучину зомбифона. Кир в очередной раз пообещал себе узнать, в каком чертовом сериале Лина подцепила привычку звать его «котиком», и сте-

реть этот сериал из программы зомби-панели. Краем уха он услышал, как Лина доказывает кому-то, что у него не слабый желудок, что она не теряет с ним зря время и вообще, что он не рохля (слово было неприятное, но смысла его никто не знал). Пожелав теще доброго настроения, Кир отвернулся и уставился в боковое стекло.

Мелкий дождик уже успел наследить на машинах. В соседнем квадратно-черном зомбимобиле сидела семья. Зомби-мужчина лет сорока, с полноватой постоянной подружкой и двумя детьми терпеливо пережидали пробку. Головы их окутывала радужная аура зомбифонов. Сидевший справа, прямо напротив Кирилла, мальчик, на макушке которого ерошился белобрысый хохолок, вдруг оторвался от экрана и посмотрел в окно. Взгляды их встретились, и Кирилл приветливо улыбнулся. Мальчик сказал что-то сидевшей рядом сестре, и вот уже оба ребенка молча пялились на Кирилла. Тот улыбнулся еще раз, уже обоим детям, но те оставались серьезны. Ему стало не по себе, он почему-то представил себя насекомым, которого изучают в увеличительное стекло, рассматривая каждую мельчайшую деталь и запоминая ее строение. Хотя Кирилл был точно уверен, что никакие его детали дети не запомнят, неприятное ощущение не покидало его. Элегантные золотые метки первой категории на воротничках юных исследователей только усиливали данное ощущение. Кириллу стало казаться, что в зрачках детских глаз выплывает та тьма, которая пыталась поглотить его во

время сна.

Наконец соседняя полоса тронулась, и обидное исследование закончилось. Когда через пару минут их зомбимобили опять поравнялись, дети уже были полностью поглощены блужданием в сети. Мысли Кирилла вернулись к странному сну. И к странности слова «сон». Откуда оно влезло в его голову? Раньше он никогда сны не видел, никто из знакомых ему адекватных зомби не видел снов. При включении инстинкта отдыха сознание просто отключалось. Не было ничего, даже темноты. И вдруг сон, да еще такой яркий! И слово-то дурацкое какое-то – «сон»! Где же он мог его услышать? Почему он так уверен, что именно сном и называется тот бред, который выдало его сознание при отключке. Ну вот, еще одно неадекватное слово – «бред». Надо выкинуть и слова эти, и сам сон из головы. Только не закрывать опять глаза, а то мало ли что...

Кирилл поехал и стал считать зомбимобили, отделявшие его от поворота на Л-проспект. Через полчаса они все же выбрались из кольцевой пробки, блокировавшей круговую дорогу, а еще примерно через такое же время оказались наконец-то дома. Небо к тому моменту совсем уже потемнело, и дождь усилился.

Глава 3

Лина была довольна. Приятно урча, она разбирала купленную одежду. Вытаскивая каждую обновку, она всхлипывала от восторга и бежала ее примерять. Всякий раз, когда она входила в новом наряде в комнату, очередь восторгаться переходила к Кириллу. Причем восторги не могли ограничиваться шаблонными фразами, вроде «супер» и «тебе идет». Кир должен был подробно описывать, как и что выгодно подчеркивает в очаровательном теле Лины данное конкретное новое платье (брюки, туфли, блузка и прочее, и прочее). Впрочем, такое засорение времени, обычно вызывавшее у него некоторое отторжение и неприятные комментарии, в этот раз даже нравилось Кириллу. Оно хоть и не полностью изгнало из сознания, но точно затолкало куда-то вглубь мысли обо всех неадекватностях, обрушившихся на него в этот день.

В полдесятого, когда примерка закончилась, и покупки были втиснуты в забитый донельзя гардероб, Лина умчалась на кухню готовить ужин. Готовить его постподруга умела, и ей это занятие, видимо, нравилось. Значительную долю подкорки она пожертвовала на курс кулинарных навыков и десятков сборников с самыми разнообразными рецептами.

Кирилл в такие моменты обычно смотрел зомби-панель. Он поудобнее развалил свои длинные ноги по предостав-

ленному в его полное распоряжение дивану и приказал зомби-панели включиться. Включалась панель всегда на первом канале. Всего каналов было около двухсот, а может, и больше, просто Кирилл дальше двухсотого никогда не щелкал. Вот еще странное применение слова. Зомби-панель управлялась голосовыми командами, и не было ни одного зомби, у которого эти команды не были бы записаны на подкорку в самом младенческом возрасте. Поэтому щелкать по панели никому в голову не приходило. Вообще мысль о нанесении ущерба, пусть даже самого символического, столь ценному средству реализации инстинкта познания казалась абсолютной неадекватностью.

Смотреть панель вместе с подругой у Кирилла почему-то не получалось. Лина, включив панель, обычно зависала на первом же канале с заинтересовавшим ее шоу или сериалом и больше с него не уходила. У Кирилла же после десяти минут такого просмотра появлялось стойкое ощущение дискомфорта, и он начинал предпринимать попытки переключить канал. Обычно эти попытки оперативно пресекались его очаровательной зомби-девушкой. При этом она очень мило хмурила брови, прямо как главная героиня последней версии ее любимого сериала о зомби-юристах, и говорила:

– Милый, ты же не собираешься опять щелкать по кругу по всем каналам? Ты же знаешь, у меня от этого заболит голова, – ее тонкие брови при этом мученически поднимались,

как будто головная боль уже обвалилась на нее.

Кирилл хоть и не очень доверял своей памяти и знанию анатомии зомби-женщин, но по неведомой ему причине был убежден, что голова у его постподруги на самом деле не болела никогда. Зомби вообще не страдали подобными атавизмами. Фраза же про головную боль носила чисто символический характер и передавалась из поколения в поколение по женской линии, как своего рода универсальное заклинание, должное воздействовать на зомби-особей мужского пола.

– А ты знаешь, с больной головой у нас не получится нормально реализовать инстинкт общения, – Лина для убедительности поднимала руки к вискам.

Из этих слов Кирилл должен был сделать вывод, что не удастся реализовать не только инстинкт общения, но прежде всего инстинкт близости. А вот, кстати, инстинкт общения, скорее всего, придется реализовывать принудительно, долго и на повышенных тонах. Кирилл необходимый вывод всегда делал, попытки прекращал и чмокал Лину в ее нежную бархатистую щечку.

Оставаясь же с панелью наедине, Кирилл почти никогда не задерживался на одном канале больше минуты, а чаще и того меньше. Разумеется, были передачи, которые могли притянуть его внимание и на более долгий срок. Например, он мог часами смотреть женский волейбол (его спортивные интересы при этом никак не затрагивались) или трансляцию в реальном времени процесса подготовки большого серого

сурка к зимней спячке. Ну и, конечно, он не мог не смотреть Главные новости.

Новости М-полиса, а тем более районные или окружные вести, он благополучно пропускал. Красочные рассказы о запуске новой дорожной развязки и посадке аллеи у соседнего дома, как-то совсем не цепляли его внимание. Однако Главные новости, выходявшие каждый час на первом канале и пересказываемые в тех или иных вариациях на остальных, надолго задерживали его внимание. Голос диктора почти гипнотизировал его, то пугая, то воодушевляя, и неизменно наполняя почти физически ощущаемой гордостью за родной зомбиленд. Иногда, когда пугающая информация о неадекватности других зомбилендов уже переполняла его нутро, он всеми силами желал перещелкнуть канал, но гортань не издавала нужного приказа, повинаясь не ему, а голосу из зомби-панели.

Еще со школьных загрузок подкорки Кирилл знал, что на планете существует четыре зомбиленда: Западный, Центральный, Восточный и Заокеанский. Он сам, к великому счастью, родился и живет в Центральном Зомбиленде, единственном адекватном из них. Остальные же три зомбиленда постоянно угрожают нарушить эту внутреннюю адекватность его родного зомбиленда. Делают они это, очевидно, от собственной неадекватности, из-за нее же не могут договориться и между собой, и в этом заключается большая удача для всех адекватных зомби.

Вообще-то, несмотря на постоянно озвучиваемые зомби-панелью потенциальные угрозы, зомбиленды никогда не воевали друг с другом, однако каждый из них был permanently обложен тотальными санкциями со стороны трех других за полную неадекватность. Эти санкции регулярно продлевались, ужесточались или трансформировались. В принципе любой зомбиленд имел достаточно развитую промышленность, чтобы обеспечивать себя всем необходимым. А если и не хватало каких-то редких ресурсов или эксклюзивных изделий, то для их оборота существовала целая система надсанкционных соглашений, которые также на регулярной основе продлевались, смягчались и трансформировались.

Остальную часть суши, не входящую в зомбиленды, занимали бескрайние отравленные земли, куда адекватные зомби не ползут ни при каких обстоятельствах. Кажется, часть этих территорий населяли какие-то дикие племена не-совсем-человеков, но по панели их никогда не показывали. Впрочем, для исключения проникновения в цивилизованный мир инфекций существовала автоматизированная система срединной полосы, надежный вид которой иногда демонстрировали в новостях под аккомпанемент успокаивающих мелодий. Она именовалась Барьером.

Зомби-панель тихонько заворчала и, как всегда, постепенно загорелась экраном. Пару секунд изображение было чуть размытым, панель настраивалась на особенности зрения Ки-

рилла и расстояние до дивана. Она могла настроиться отдельно на любое количество зрителей, находящихся в помещении.

За те же две секунды звук из неразборчивого ворчания сложился в четкий уверенный и очень убедительный голос диктора. Кирилл почему-то вздохнул. Шли как раз Главные новости, причем он, к несчастью, попал на их середину, когда после рассказов о родных успехах, стандартно описывались угрозы со стороны соседей. Вообще Кириллу больше всего нравился конец новостей, во время которого убедительно демонстрировались достижения, позволяющие Центральному Зомбиленду наплевать на всех соседей и их угрозы. Затем шли прогноз погоды, спорт и... можно перешелкнуть.

Ну ладно, придется смотреть, вообще-то реализация инстинкта познания должна приносить приятные ощущения уверенности и силы. Кирилл выдохнул и настроился на получение данных ощущений. Однако первая же информация о гигантских крысоящерах, которых разводят в Восточном зомбиленде, то ли для еды, то ли для натравливания на мирных соседей, вызвала только тревогу. Монстровидные существа из панели породили внутри у Кирилла почти неадекватное омерзение. Покрытые мокрой свалывшейся шерстью, источавшие запах тухлого мяса (панель была новой модели и идеально передавала запахи), эти твари с развороченными от кривых желтых зубов мордами как будто рвались в

комнату сквозь светящееся поле устройства. Во рту начала скапливаться та противная слюна, что всегда приходит перед приступом рвоты. Кир сглатывал ее, и это только усиливало тошнотные позывы. Голос диктора, все такой же уверенный, красочно и воодушевленно погружал в тонкости коварных планов восточных неадекватов. Слова его набухшими дождевыми каплями лупили по перепонкам. Наконец, когда по панели побежали картинки кормежки крысоящеров утилизированными руками зомби, организм сдался. В глазах резко потемнело и все, что еще оставалось в желудке от сегодняшнего обеда, вышло наружу, вперемешку с хриплым криком:

– Стоп!..

Зомби-панель погасла. Кирилл, покрывшийся второй раз за вечер липкой испариной, сидел на диване и мелко дрожал. Недовольно-круглый робот-уборщик, ворчливо пыхтя, изничтожал остатки расплескавшегося по полу неприличия. Ощущения были очень странные. Никогда до этого Главные новости не доводили его до тошноты. Сюжет всегда останавливался где-то на грани, принеся достаточно грязи и беспокойства, он вовремя переходил к успокаивающей и воодушевляющей тематике. Сейчас явно что-то было не так, то ли с сюжетом, то ли с Кириллом.

В комнату с кухни заглянула Лина, молча осмотрелась и уже открыла рот для вопроса, но тревожный звонок духовки утащил ее обратно, спасая Кирилла от очередного общения. Между тем его постепенно отпускало. Одеревеневшие

суставы вновь стали слушаться, липкая кожа приобрела здоровый бледный оттенок с ускользящим налетом салатового отлива. Он потерял глаза. С одной рукой делать это было крайне неудобно. Посмотрел на темное пятно зомби-панели, дырявившее противоположную стену. Внезапно пришедшая мысль оглушила его. Он выключил панель!.. Он выключил ее во время Главных новостей!.. Он не дослушал диктора!

Сразу стало неудобно и вроде бы холодно. Неужели у него дал сбой еще один основополагающий инстинкт? Что с ним не так? Может быть, это все от потери руки? Интересно, диктор знает, что его отключили? Если знает, то что он может сделать с Кириллом? И сделает ли он это?..

Вопросы накатывали на его сознание и откатывались, не накрываясь ответами. Минут через десять вопросов стало меньше, холодок перестал тревожить кожу, и, более того, внутри разлилось до невозможности приятное ощущение. Кириллу было так тепло и радостно, как... Странно: не пришло в голову ни одного сравнения... Вообще почему должны приходиться в голову сравнения? Раньше они тоже никогда не приходили... По неизвестной причине появилось настойчивое желание посвистеть какой-нибудь легкой мотивчик.

Кирилл решил не опускаться до такой неадекватности, как свист по НЕИЗВЕСТНОЙ причине. Он ограничился тем, что встал наконец с дивана и отправился на кухню к своей очаровательной зомби-девушке. По пути он заглянул в спальню и, вытащив из гардероба свежую рубашку, пере-

оделся. Старая, от которой несло то ли рвотой, то ли крысоящерами, полетела в корзину для стирки. Воспоминание о монстрах заставило передернуться, но настроение, к счастью, не испортило. Очутившись в ванной комнате, он заодно почистил зубы, кислое зловонное дыхание не вязалось с ощущаемым им внутренним подъемом.

Лина возилась у плиты над мясным рулетом, ароматным и манящим. Было ли в рулете мясо, неизвестно. Полуфабрикаты продавали в замороженном виде одинаковой квадратной формы, наиболее удобной для перевозки. Состав на упаковке не писали, адекватному зомби достаточно простой картинки, чтобы понять, что он покупает. Впрочем, голода Кирилл в данный момент не испытывал совершенно. Он остановился в дверях, молча рассматривая свою постоянную подругу. Лина была почти такого же роста, как он сам, только гораздо более тонкая и хрупкая. Старые потертые джинсы, давно пригодные только для домашней носки, идеально обтягивали ее ноги и бедра без единого лишнего миллиметра. Узкая талия любопытной полоской между джинсами и короткой маечкой вызывала самые неприличные помыслы. Странно, но, покупая каждые выходные по целому вороху одежды, дома Лина предпочитала ходить в этом неказистом наряде. Разумеется, если никого не было рядом. Кирилл в этом случае считался за никого. Бирка на джинсах от многочисленных стирок потеряла свою второразрядную белизну, максимально приблизившись к серому цвету. Говорить

об этом подруге не стоило. Джинсы ей нравились, но при малейшем намёке на третий разряд прямой дорогой ушли бы в утилизацию, в один из десяти ящичков для отходов, что стояли в мусорном закоулке. Каждый адекватный зомби должен тщательно сортировать свой мусор. И у каждого адекватного зомби мусора образуется очень много.

Лина обернулась. Наверно, ощутила взгляд на спине. Зомби вроде не должны такого ощущать, но иногда получается. Зеленые глаза ее светились удовлетворением. Рулет, очевидно, получался на славу. Растрепанная прядка светлых волос, сбежала из тугого узла на макушке и независимо металась над дугами бровей, так и норовя залезть в глаз. Руки зомби-девушки были испачканы, поэтому с наглыми волосами она пыталась справиться иным образом. Время от времени она смешно оттопыривала нижнюю губу и нервно дула вверх. Прядка в ужасе отлетала при этом, но тут же возвращалась и настырно лезла обратно.

– Потерпи. Уже скоро. – Лина улыбнулась ему так, как улыбаются только самые красивые актрисы сериалов, и только когда обращаются к своим любимым (естественно, самым красивым героям сериалов). – Новости уже закончились? Что интересного?

Интересоваться жизнью постоянного друга и непринужденно беседовать на все возможные темы – это верх адекватности. Кирилл издал неразборчивый звук. Может, хмыкнул, может, помычал. Разговаривать о крысящерах не было же-

лания.

– Как всегда, все хорошо. – Его голос прозвучал неожиданно хрипло. – Мы надежно защищены от неадекватных...

Голос в конце фразы дрогнул, и Кирилл откашлялся. Лгать зомби не могут... как и выключать Главные новости... как и уклоняться от общения... Да он, в общем-то, и не солгал...

– Мм... Здорово. – Лина пробовала соус с деревянной ложки и явно ожидала продолжения.

Однако внимание Кирилла опять захватила ее фигура, так соблазнительно обтянутая мягкими разношенными джинсами. Он сделал пару шагов вперед и прижался к ней сзади, нежно, но настойчиво обхватив за талию оставшейся рукой. Девушка вначале не поняла его намерений. Инстинкт близости не должен срабатывать на кухне, равно как и где-либо еще, кроме спальни. Однако, когда его губы уткнулись в пленительную ямочку на ее затылке, она в недоумении развернулась.

– Милый, после ужи...

Конец фразы Кирилл украл поцелуем.

Его рука прижимала тонкое тело подруги. Даже с одной рукой он был явно сильнее, и у Лины никак не получалось выскользнуть. После третьего поцелуя (кажется, раньше он никогда так не целовался, и точно никогда ему не было так приятно от поцелуев) попытки девушки сбежать сошли на нет. Место было неадекватным, обстановка – совершенно

неадекватной, но объект был привычен и адекватен. Великий инстинкт близости включился и заработал в полную силу, отключая на время остальные инстинкты. Хорошо хоть она успела повернуть ручку на плите, уже почти готовый рулет был спасен.

Маечка первая полетела на плиточный пол, открывая для ласк небольшие упругие груди. Странно, раньше они не казались ему столь прекрасными. Никогда он не обращался с ними так нежно. Джинсы послушно последовали на пол за остальной одеждой. Остановиться было уже невозможно... Кухонный стол оказался, как ни удивительно, идеально подходящей высоты...

Близость взорвалась внутри Кирилла невероятными ощущениями. Не было даже намека на ту, безусловно приятную, томность и тянущее удовольствие, что он получал обычно с Линой или предыдущими своими подругами при реализации инстинкта. Удовольствие в этот раз было резким, острым, невероятно сильным... Движения рваные, дерганные... Освобождение пришло быстро, почти сразу. Кажется, кто-то из них кричал, возможно, оба...

Наконец вернулось зрение и ощущение окружающего мира. Он стоял, тяжело дыша, у края кухонного стола почти одетый. Лина, полностью обнаженная сидела на краю, обняв его руками за шею и ногами за талию. Одной рукой он нежно гладил ее по спине. Было невероятно, безумно хорошо. Только ноги от напряжения, казалось, в любое мгновение от-

нимутся или вообще отвالتها, как подлежащие утилизации руки.

Кирилл плотно прижал к себе девушку и приподнял. Сил хватило. Она инстинктивно вцепилась в него, но ничего не сказала.

– В спальню... – Звуки слов, сорвавшихся с его собственных губ, показались ему совершенно чужими и неподходящими.

Нужно было сказать что-то другое. Хотелось сказать что-то другое. Но что?.. Он отнес ее на постель и положил поверх покрывала. Сам рухнул рядом. Она посмотрела на него еще затуманенными, будто потерянными глазами. Ему захотелось поцеловать ее, и он сделал это. Она промычала в ответ невразумительно и нежно и долго смотрела на него в полумраке комнаты. А он, уперев взгляд в потолок, не думал ни о чем, только чувствовал близость горячего прижавшегося к нему ее тела.

Минут десять они пролежали, приходя в себя. О возвращении чувства реальности возвестило успокоившееся ровное дыхание и возглас Лины:

– Милый, я же позавчера постирала это покрывало! – Впрочем, тон был скорее мягким и кошачьим, чем возмущенным. – Топай в душ!

Она соскочила с кровати первая и пронеслась в ванную комнату. Видимо, сработал инстинкт очищения. Через несколько минут уже чистая, в ярко-голубом халатике с но-

вой белой меткой на рукаве Лина выпорхнула из ванной, явно вернувшаяся в обычное свое состояние. И лишь совершенно ненужная активность в поведении и по-прежнему слегка потерянные взгляды, на миг задерживающиеся на Кирилле, свидетельствовали о том, что произошедшее не стерлось еще из ее памяти.

– Ты еще валяешься! Это уже слишком! – Ее милый носик намеренно возмущенно топорщился. – Быстро мыться и за стол.

При слове «стол», что-то, видимо, пришло ей в голову и настолько отвлекло, что она убежала на кухню. Встать не хотелось. Мыться тоже не хотелось. Кирилл прислушался к себе. Никакой инстинкт в данный конкретный момент не зудел у него внутри, не толкал ни на какие действия... Ничего... Странное и интересное ощущение. Впрочем, надо встать и помыться. Почему надо, непонятно, просто надо.

Горячая вода обожгла плечи, снова вернула к утренним мыслям о потерянной руке. На этот раз, однако, эти мысли долго не задержались в сознании. Мешанина из обрывков картин и образов, бессвязных и пустых, не давала сосредоточиться. Он выключил воду, вышел из душа и отряхнулся всем телом так, как отряхивается собака, покидая воду. Только потом взял полотенце и вытерся насухо.

Стол на кухне был уже накрыт, и ничто не напоминало о том неадекватном действе, в котором сей стол против воли своей поучаствовал всего-то полчаса тому назад. Интересно

только, стол участвовал в нем против воли? Лина принесла и поставила бокалы, налила в них какую-то сладкую бурду из темной бутылки с белой этикеткой и села напротив. Накрывая на стол, она, очевидно, успела упорядочить свои мысли. Взгляд ее был чист и ясен.

– Милый, подай хлеб. – Она протянула руку и совсем обыкновенным жестом погладила его по щеке. – Это, наверное, так трудно, без руки реализовывать инстинкты...

Сочувствие переполняло ее речь. Где-то Кирилл это сегодня уже слышал.

– Впрочем, хорошо, что близость мы уже реализовали, теперь у меня будет время на кучу дел вечером. – Прояснившееся выражение лица должно было подчеркнуть радость, испытываемую зомби-девушкой от этого факта. – Я обещаю, как только ты оформишь новую руку, мы обязательно сразу реализуем инстинкт близости в нормальной обстановке.

Кирилл не испытал от этого обещания большой благодарности, но наклонился через стол и поцеловал Лину в нос. Докуда дотянулся, туда и поцеловал. И потом он точно видел такую сцену в каком-то сериале.

– Как жаль, что я не помню, как мне было трудно при замене рук! Но столько информации... – Его постподруга была совершенна в своей роли. – Я уверена, ты мне тогда очень помогал.

И она действительно была в этом уверена. А почему и нет? Оставшаяся часть ужина и вечера была проведена в

непрерывной болтовне с ним, с зомбифоном и даже с зомби-панелью. Хорошо, что при включении последней, они не попали на новости. Спать легли поздно, но совершенно обычно. Только путаница из образов не оставляла голову Кирилла до самого бессознания. Может быть, и во время бессознания, но на следующее утро Кирилл этого не вспомнил.

Глава 4

Утро началось исключительно серо. День был рабочий, поэтому погоду в М-полисе не обеспечивали должным образом. Небо от края до края затянули асфальтового цвета облака, а мерзкий ветер так и норовил испортить настроение. Но адекватные зомби не обращают внимания на погоду. По большому счету, и настроения как такового у них не имеется. Адекватный зомби подчиняется только инстинктам и испытывает только ощущения, которые могут быть приятными, могут быть неприятными, но всегда должны быть информативными. Информация, ее потребление, обработка и передача, вот главная функция социополезного зомби. Так что он не может тратить излишнее количество нейронов своей эволюционировавшей подкорки на всякую ерунду, вроде воспоминаний и чувств. Хотя, наверное, некоторые воспоминания стоило бы и оставлять.

Утренние мысли Кирилла текли неспешно. Мысли зомби вообще редко спешили. Быстрая мысль могла сбить инстинкт и направить зомби на неадекватный путь.

За стенкой гремела вода, инстинкт очищения у его постоянной подруги требовал массу времени на реализацию, обычно раз в десять больше, чем инстинкт близости. Поэтому Полина вставала всегда на полчаса раньше Кирилла и занимала ванную комнату, откуда почти сразу доносился

шум душевого водопада и непрерывное мяуканье зомбифона. Лина и во время очищения не упускала случая пообщаться с подругами. Кир надеялся, что только с подругами и что экран зомбифона не был включен на передачу. Хотя какая ему разница, общение даже в обнаженном виде и под душем, это только общение. Оно не имеет никакого отношения к близости. Только вот при мысли о других зомби, видевших обнаженное тело его зомби-девушки, Киру всегда становилось чуть-чуть неприятно. Видимо, инстинкт приобретения в какой-то степени распространялся не только на его вещи, но и на его постподругу.

Шум воды стих. Интересно, сколько она потратила воды на одно купание? И сколько она тратит воды за день? За неделю? С учетом долгого утреннего душа, полноценных вечерних ванн, душей перед инстинктом близости, душей после инстинкта близости и множества промежуточных омовений выходит, наверно, очень прилично. Впрочем, зомби второго разряда на воде могли не экономить. Да и в целом воды в Центральном Зомбиленде и в М-полисе в частности хватало, в отличие от засушливых отравленных земель, где за источники воды племена не-совсем-человеков, кажется, вели настоящие и ожесточенные войны. Кир слышал об этом однажды в какой-то познавательной передаче и запомнил. Вот еще одно бесполезное воспоминание, зря занимающее место на подкорке.

Дверь ванной распахнулась. Лина, закутав в полотенце

свою бархатистую кожу, с тюрбаном из такого же полотенца на голове, выскочила со словами:

– Расческу забыла. – И умчалась в гостиную.

В квартире было минимум два десятка расчесок, и как Лина умудрялась их постоянно терять, Кирилл даже не пытался разобраться. Он сладко потянулся одной рукой. Пришли опять мысли о потерянной конечности. Кирилл решил их не думать и выбрался из постели. В конце концов сегодня ему выдадут новую.

Душ. Завтрак. Обсуждение с Линой погоды и планов на вечер. Последнее, в принципе, бессмысленно, в течение дня придется обсуждать эти планы еще минимум пять раз. Деловой костюм. Галстук (обязательно оливкового цвета, Лина считала, что он идеально гармонирует с еле уловимым салатным оттенком его кожи). Лифт. Соседи с нижнего этажа. Лина шепчет, что они еще больше растолстели. Кирилл начал присматриваться к женской половине пары, но, получив толчок в бок, уставился опять на кнопки.

Улицы в понедельник были забиты намертво. Какое глупое слово, улицы же не могут умереть, как и зомби. Зомби могут быть только утилизированы, когда в силу физического разрушения не смогут быть функционально использованы в социополезных целях. Смерть ушла с появлением общества зомби, перестала существовать как абсолютный и непрерывно давящий фактор, мешающий развитию общества и его отдельных представителей. Смерть, если желаете, умерла, вме-

сте со страхом, который она порождала. И с множеством иных страхов. Инстинкт бояться чего бы то ни было в ходе эволюции сошел на нет и исчез, захватив по пути бессмысленную практику не менять руки на протяжении всей жизни.

Через пробки пробились наконец на Л-проспект. По нему ехать было попроще. На пересечении с улицей 21-15 Кир приказал зомбимобилью остановиться. Рядом в высоком офисном здании Лина трудилась на должности бухгалтера в отраслевой транспортной компании. А именно, она каждый час, в перерывах между общением с другими сотрудниками, нажимала на кнопку обновления электронной базы данных. Делать это нужно было строго на пятнадцатой минуте каждого часа, иначе в шестнадцатую минуту программа запускала обновление сама. Работа была вполне подходящей для образованной зомби-девушки второй категории. Все зомби-девушки должны были работать после завершения образования и до того момента, который в Центральном Зомбиленде назывался декрет, а в остальных зомбилендах – беременность. Жутко неадекватное название.

Перед тем как выйти из машины, Лина в очередной раз погладила Кирилла по щеке, чмокнула туда же и сообщила: – Доедешь до Центра замены рук, позвонишь.

Это не была просьба или тем более приказ, это было именно сообщение. Она просто констатировала тот факт, что, когда он доедет до указанного места, он наберет ее через зомбифон. И инстинкты однозначно подсказывали им обоим,

что именно так и случится.

Кирилл вспомнил вчерашний вечер и внезапную реализацию инстинкта близости, подался вперед и мягко прижался своими губами к губам постподруги. По искреннему удивлению в ее расширившихся зеленоватых глазах он понял, что ее воспоминания о произошедшем уже практически стерлись. Однако, как полагается адекватной зомби-девушке, она быстро ответила на поцелуй и явно заимствованным жестом погрозила ему аккуратным своим пальчиком.

– Смотри там у меня, встретишь какую-нибудь милашку без руки и сбежишь с ней. – Она изобразила на лице улыбку и выскочила из машины.

До чего же Кириллу надоели эти общие места из панельных ситкомов...

Зомбимобиль продолжал ровными маленькими рывками продвигаться по Л-проспекту к центру полиса. Через полчаса слева за домами показалось высокое зеленое здание, в котором работал сам Кирилл. Оно стояло на улице 03-01, проложенной параллельно Л-проспекту. Притом оно было достаточно высоким, чтобы торчать из-за крыш новых офисных комплексов, выстроившихся ровными рядами вдоль проспекта. Зеленое здание считалось достаточно древним, возведенным еще вымершими людьми до эры зомби. Кир не знал, что было в нем ранее (это требовало дополнительной загрузки на подкорку), но сейчас в нем размещался Банк №1. Именно в нем, в кредитном отделе №16, и тру-

дился Кирилл на пользу зомби-общества.

К своей работе Кир относился очень серьезно и с большим уважением. Еще во время институтских прокачек подкорки он специально записал себе три углубленных курса финансовой теории и сейчас мог в любое время порассуждать о том, что здоровая банковская система является основой правильного устройства зомби-экономики. Правда, порассуждать так он мог только с теми зомби, которые сами прокачали аналогичные курсы. Лина, например, такой разговор поддержать не могла, потому что подкорку свою экономила и для своей работы оставила только три институтских курса – Общие основы экономики, Правила работы и обслуживания бухгалтерских машин и Основы правильного бухучета. Последний курс она постоянно порывалась стереть, так как ни разу им не пользовалась, а места он занимал много. Впрочем, пока не стерла, видимо, сомневалась и надеялась на повышение. Первым курсом она тоже не пользовалась, но стирать его не имело смысла, так как места он занимал меньше, чем инструкция к кофеварке.

Большинство их знакомых зомби, также к своим годам уже узко специализировались, постирали все ненужные в работе образовательные записи и могли разговаривать только на общесоциальные темы. В результате блеснуть познаниями в финансах Кириллу удавалось только в общении с коллегами, с которыми он в принципе и общался значительную часть дня. Однако и среди них найти того, кто оставил что-то

более глубокое, чем Общие основы экономики, было крайне сложно. Кирилл сам едва не стер большинство теоретических записей, когда искал на подкорке место для хранения внутренних регламентов и инструкций Банка №1. Помогло то, что в последнее время их крайне упростили и выпускали исключительно в форме картинок и блок-схем.

Работа Кирилла, его отдела, а с недавнего времени он возглавлял свой отдел, как и восьмидесяти четырех соседних отделов заключалась в кредитовании экономики. Коммерческие банки, из которых старейшим и крупнейшим был Банк №1, получали финансовые ресурсы из Федерального зомби-банка (ФЗБ). Затем они передавали полученные ресурсы отраслевым компаниям. Возвращались ли эти финансы обратно, Кирилл не имел понятия, этим занимались совершенно другие отделы. Во всяком случае он так подозревал, ведь кто-то должен был этим заниматься. Конечно, в каждой отрасли экономики отраслевых компаний было не больше пяти, и в теории Федеральный зомби-банк мог их финансировать напрямую. Только вот в этом случае коммерческим банкам нечем было бы заниматься, и банковская система погибла бы... А, как мы уже слышали, здоровая банковская система – это основа правильной зомби-экономики... И так далее.

Кирилл помнил, как не раз убеждал в этой мысли своих собеседников, ни один из которых ее, впрочем, и не оспаривал.

В мыслях о работе и о том, как он появится там завтра

с уже совершенно новой левой рукой, протекли еще полтора часа пути. Вначале он ехал по Л-проспекту, затем по Т-проспекту до огромной дорожной развязки с уходящими в небо бетонными буквами, сложенными в слово – «ХИМКИ». Заунывный дождь, начавшийся в начале пути, так и не отстал от зомбимобиля Кирилла. Только дважды он прерывался на несколько минут. Один раз, когда невдалеке промчался кортеж Великих, над которым дождю идти не полагалось, и второй раз, когда машина по длинному тоннелю проезжала под рекой и Центральным кварталом М-полиса. Кирилл знал при этом, что дождя нет не только в тоннеле, но и над ним.

Центральный квартал, включавший огромный А-парк, Старую крепость и дома-резиденции Великих, поливался дождями строго по графику, исходя из нужд поддержания растительной и природной свежести. Кирилл в Центральном квартале никогда не был, вроде бы, но об его благоустроенности откуда-то знал.

Химки встретили Кирилла слабым, но резким запахом гари и серыми кубами новостроек. Химками традиционно называли весь северо-запад М-полиса, вплоть до границы пригородов. Территория эта была застроена по секторам либо роботизированными промобъектами, либо блок-кварталами третьего класса. По причине, о которой Кир не догадывался, эта территория перманентно находилась в процессе застройки, сноса и перестройки. В текущий момент времени

основным трендом перестройки было возведение огромных кубических зданий, занимавших по целому блок-кварталу. Их пластобетонные стены покрывала затейливая, неповторяющаяся от блока к блоку паутина окон из синего и зеленого стекла. Ближайшее к развязке строение украшала светящаяся вывеска – «Центр замены левых рук».

Зомбимобиль снизил скорость и, тихо ухнув, ушел по эстакаде вниз. Через пару минут он уже приткнулся на втором уровне подземной стоянки под центром. Автомат на въезде, просканировав генетический код, уже выдал Кириллу карту помощи. Ну, то есть, как выдал, – штампанул со всей механической силой этот маленький кружок прямо в мочку левого уха. Кирилл даже слегка дернулся. Не то чтобы ему было больно, просто от неожиданности.

Как известно, зомби не испытывают реальной боли. Боль в их эволюционировавших телах приобрела скорее виртуальный характер. Чисто информационная нейронная информация поступает в мозг адекватного зомби, когда у него происходят какие-то неполадки с внешними или внутренними органами. В результате зомби-особь инстинктивно испытывает крайне неприятное ощущение, вызванное нелогичностью и неадекватностью происходящего. И чем опаснее указанные неполадки, тем более неприятные ощущения возникают у зомби. Поэтому, если при серьезном переломе виртуально проецируемая боль заставляла зомби кричать, то при небольшом дискомфорте в желудке зомби максимум пожа-

лается своей постоянной подруге. Такой механизм выработался эволюционно, чтобы защитить зомби-вид от физического ущерба, и безусловно является одним из многочисленных преимуществ зомби-вида над вытесненным им человеком.

Кстати о неладах с желудком. Таковые, действительно, случаются у зомби достаточно часто. В этом таится один из мелких побочных эффектов, еще одного достоинства зомби-особей. Дело в том, что зомби выработали настолько сильный иммунитет, что им не страшны никакие болезнетворные микроорганизмы. К несчастью, этот иммунитет вызвал недостаток собственных то ли ферментов, то ли полезных для расщепления пищи бактерий в желудке. Так что зомби приходится регулярно компенсировать сей недостаток извне с помощью специальных фармацевтических средств.

Повинуясь указаниям карты помощи, Кирилл на лифте поднялся на первый уровень. Интерьеры центра мало отличались от внутренних видов большинства офисных зданий. Светлые бежевые и пастельные тона настраивали на умиротворение и вселяли уверенность в постоянном благополучии. Единственное, что настораживало и создавало некоторую неуверенность, это толпа зомби обоих полов. Вернее, настораживало не наличие толпы, а то, что у каждого ее зомби-элемента не хватало верхней левой конечности.

В огромном холле, занимавшем, казалось, весь первый

этаж центра, организованно толпилось сотен пять зомби. Несколькими ручейками они исчезали в семи проходах и примерно с такой же скоростью появлялись из лифтов. Именно на выходе из лифта с Кириллом случился неудобный инцидент. Карта помощи как раз регистрировала его в очереди на замену, о чем свидетельствовал мимолетный зуд в ухе. Кир слегка замешкался, и в этот момент мимо начала протискиваться миловидная зомби-девушка в дорогом белом платье. Золотые нашивки первой категории нарочито вычурно украшали ее плечо. Ощущение было такое, что девушка просто не видела стоящего перед ней Кирилла. Когда она поняла, что из-за какого-то невидимого препятствия не может выйти из лифта, то с такой силой пихнула это препятствие наличествующей правой рукой, что Кир покачнулся. Ожидать такой силы и наглости от столь воздушного зомби-создания не приходилось.

Однако эффект от толчка вышел совсем не тот, на который рассчитывала зомби-девушка. Из-за непрерывного потока выходящих Кирилл начал заваливаться прямо на милую особу. А поскольку левой рукой остановить падение он не мог, а правой схватиться было не за что, то через мгновение он оказался на полу. Вернее, на полу оказалась зомби-девушка, а он аккуратно улегся сверху. Подобного шока виновница происшествия не испытывала, видимо, никогда. Ярко-голубые глаза ее расширились до неприличного состояния от осознания того, что она лежит в общественном ме-

сте в обнимку с неизвестным зомби. Казалось, стоит глазам открыться еще хоть немного больше, и они выпадут из орбит и покатаются по гранитным плитам, как жемчужины. И вдруг она узрела белую бирку на его воротнике. Глаза ее раскрылись еще шире. Предположение Кира не оправдалось, они не выпали. Однако из уст милого создания раздался такой визг, что Кирилл подумал, не сломал ли он ей что-нибудь при падении.

Сам он лежал вполне спокойно и как будто видел себя со стороны. Больше всего его взволновало не само падение, а то, что он оказался рядом с зомби-особью первой категории. Да еще такой красивой зомби-особью. Да еще настолько рядом. Их тела в процессе падения практически переплелись, волосы перепутались, глаза смотрели в глаза, и даже дыхание смешалось. Зомби-девушка приятно пахла земляничкой, апельсинами и еще чем-то неуловимо прекрасным. А когда она закричала, запах усилился и окутал его голову благоуханной пеленой. На какой-то миг перед криком из глубины сознания Кирилла даже вынырнула абсолютно неадекватная мысль о реализации инстинкта близости. Разумеется, не здесь, и не в данный конкретный момент, и чисто теоретически...

Отчаянный визг зомби-девушки начисто выбил из его головы все мысли. Его невольная пленница в это время дергалась и извивалась в напрасных попытках выбраться из-под его не самого легкого тела. Однако своими усилиями она

скорее мешала ему подняться, чем помогала себе. Между тем поток выходящих из лифта зомби, встретив неожиданное препятствие на полу, запнулся, остановился и скучился, угрожая полной неразберихой. К счастью, подлетевший робот-охранник точными движениями расцепил Кирилла с негаданной половинкой, поднял на ноги и толкнул в одну сторону, а милую еще орущую зомби-девушку в другую.

Кириллу почему-то стало неприятно, что за несколько секунд знакомства ни он, ни она не сказали ни единого внятного слова. Несмотря на визги и тычки, или, наоборот, благодаря им, он был уверен, что не скоро сотрет из памяти эту встречу. В отношении девушки он был убежден в обратном. Кир вообще начал подозревать, что она уже считает, что столкнулась не с живым зомби, а с роботом или цветочной кадкой.

В ухе снова зудело, карта помощи продолжила регистрацию, прерванную встряской, и вскоре выдала номер его прохода. Кир встал в очередь. Очереди – это неотъемлемая часть зомби-общества. Они позволяют зомби поддерживать адекватный психологический тонус и экономят время, которое иначе терялось бы понапрасну.

Кирилл машинально потрогал левое плечо. Так странно, через час-другой на этом месте вновь будет полноценная живая рука. Интересно, а у не-совсем-человеков в отравленных землях отмирают руки? И если да, то как они их заменяют без таких вот центров? И где все-таки он оставил свою на-

труженную и столь важную для него левую руку?

Очередь двинулась. Стало очевидно, что карта помощи зарегистрировала Кирилла в средний проход. Краем глаза он заметил знакомое уже белое платье. В самой левой веренице зомби стояла его только что обретенная знакомая. Та очередь была существенно короче. Видимо, и здесь первоурядные имели небольшие преимущества. Очаровательное лицо зомби-девушки было окутано разноцветным сиянием поля зомбифона. Слишком далеко, Кир не мог видеть черты ее лица, но яркая еще память сама рисовала их, такие близкие и четкие.

Сочетание зомбифона и зомби-девушки неожиданно извлекло из столь не к месту услужливой памяти новые данные. Он должен был позвонить Лине, как только доедет. Обычно вытаскивать подобную информацию вовсе не приходилось. Всеведущий инстинкт общения сам включался, приказывал руке активировать зомбифон, и Кирилл, уже видя родную головку постподруги на экране, осознавал, что происходит. Сбои инстинктов начинали уже досаждать. Ничего, с заменой руки они точно закончатся.

Очередь снова двинулась. Кирилл поднял руку с зомбифоном и дал команду набрать Лину. Пока экран не зажегся, его глаза продолжали следить за призывно белым платьем в крайнем левом ряду. Мило улыбающееся (спасибо сериалам) лицо его собственной подруги разорвало этот становящийся все более неадекватным контакт между ним и тем за-

вораживающе белым платьем.

Средней продолжительности беседа с Полиной предоставила Кириллу массу информации, касающейся, в основном, погоды, коллег девушки по работе, их поездок и приобретений, планов на вечер и новостей от тещи, с которой Лина уже успела пообщаться. Когда зомбифон все-таки пришлось отключить, из всего массива сообщенных сведений осталась только одна мысль – у Лины каблук попал в ливневую решетку, видимо, эти данные были самыми важными. Без серьезных усилий их тоже удалось выбросить из памяти.

На табло, что венчало идеально-белые двери прохода, к которому его прикрепила карта помощи, зажегся номер 10151. Это был его номер. Он двинулся к порталу. На входе непонятная сила заставила его оглянуться. Белого платья в крайней левой очереди уже не было видно. Кирилл потянулся к дверям. Ручек на них не обнаружилось. С тихим щелчком они распахнулись, пропуская Кирилла в казенно-бежевый коридор.

Процедура замены рук включала в себя пять этапов. Вначале в стерильного вида лаборатории у Кирилла взяли образцы ДНК. Сделал это очень вежливый медицинский робот, который усадил его в передвижное кресло-бокс, намертво пристегнув защелками, ткнул иглой в район позвоночника, тренькнул сигнальным звонком и неожиданно-глубоким женским голосом сказал: «Благодарю вас». После чего кресло само повезло Кирилла в соседний зал. Там тело зомби

просканировали, с целью получения полных телеметрических данных, и отправили дальше в длинный зал ожидания.

Третий этап оказался самым утомительным. В течение почти двух часов он в окружении сотен таких же бедолаг ожидал, пока заготовку причитающейся ему левой руки подгонят под его генетику и телеметрию. Все это время на широких зомби-панелях, скрывавших противоположную стену, транслировались успокаивающие сюжеты о надежности зомби-медицины и качестве выращиваемых в М-полисе рук. Одновременно с этим через микропроколы незаметные щупы, появившиеся из кресла, ненавязчиво обследовали оставшиеся нерастерянными органы Кирилла. Это называлось технической профилактикой, призванной выявить и устранить мелкие погрешности, возникавшие при эксплуатации организма зомби. Впрочем, кроме потери рук, среднестатистические зомби не страдали какими-то серьезными дефектами. Да и потеря рук – это отнюдь не дефект, а способ обновления ключевых инструментов организма.

Наконец выбранная автоматической регистратурой для Кирилла рука была модифицирована, и подошло время для операции. То же самое кресло-бокс отвезло его в отдельный закуток и пустило в кровь медикаменты, от которых веки его потяжелели, а тело впало в искусственное забытие. Скорее всего, Кирилл не почувствовал бы и так боли при присадке руки, но во избежание ложно-виртуальных реакций и негармоничных видов операции проводились под наркозом.

Все это за минуту до процедуры Кириллу объяснил медицинский робот, руководивший процессом. У него были на редкость блестящие линзы в верхней части и очень убедительный глубокий мужской тембр голоса. Кир ему сразу поверил и о четвертом этапе сказать потом ничего не мог, поскольку банально его проспал.

Очнулся Кирилл, видимо, часа через три в восстановительном зале на пятом уровне центра. Стоявшая рядом медицинский робот, отнесенная к женскому полу за мелодично-тонкий голосок, сняла показания с датчиков кресла, превратившегося на время операции в удобную койку. Затем она пожурчала, обрабатывая информацию, и весело сообщила:

– Медицинская процедура присадки левой руки прошла адекватно. Поздравляю. Вы должны чувствовать небольшое недомогание в течение ближайших суток. Это нормально. После введения дополнительных стимуляторов вы будете выписаны.

Роботизированное устройство еще раз весело тренькнуло и покатило к следующей койке. Никакого недомогания Кирилл не чувствовал. Он повернул голову влево и осмотрел свою новую руку. Рука была идеальна. Даже оттенок ее кожи полностью совпадал с его кожным покровом. Он попытался сжать пальцы. Те послушно сложились в кулак. Кисть, повинаясь команде нервной системы, приподнялась и чуть развернулась. Поднять руку целиком не получалось, мешали

защелки кресла-бокса.

Кирилл откинул голову и закрыл глаза. Ну вот, рука у него новая. Ничуть не хуже, а скорее всего лучше потерянной старой. Так ли уж важна была та потеря? Насколько та рука делала его особенным? Да и зачем ему быть особенным? Насколько это адекватно быть особенным? Или хотя бы считать себя таковым? Какие-то идиотские вопросы наполняли голову Кирилла. Почему они так часто стали копошиться в его сознании? Кир открыл глаза.

На соседней койке очнулся такой же зомби. Ноги у него выглядели явно длиннее, значит – высокий. Да и плечи, судя по данным бокового зрения, были у соседа выдающиеся. Скорее всего, здоровый детина. В данный момент он выслушивал речь робомедика, до последней интонации повторявшую ту, что слышал уже Кирилл. Неожиданно, недослушав до конца, детина задергался и из его груди вырвался хрип. Медицинский робот плавным движением выпустил щупальце с тонкой иглой, которая аккуратно вошла в шею лежащего. Судороги и хрипы сразу прекратились.

– Не беспокойтесь. Временные недомогания абсолютно нормальны. Это адекватная реакция на процедуру, – прожурчал записанный в робота девичий голос.

Сосед Кирилла еще несколько минут пролежал неподвижно. Проросшие из кресла щупы внимательно следили за его состоянием. Когда кресло издало равномерное жужжание и засветилось успокаивающими зелеными оттенками, меди-

цинский робот отъехал дальше. Вскоре сосед, очевидно, почувствовав себя лучше, повернул голову и проделал с левой рукой те же нехитрые манипуляции, что и Кирилл. Он сжал и разжал пальцы, повернул пару раз кисть и удовлетворенно вздохнул. Поведение зомби в идентичных ситуациях не может не повторяться, ведь оно обусловлено общими инстинктами. Столь глубокая мысль, внезапно посетившая его, просто требовала оглашения вовне. Кирилл ее огласил, особенно ни к кому не обращаясь. Кажется, инстинкт общения вновь работал без сбоев. Это успокаивало.

Лежавший рядом детина посмотрел наконец на Кирилла и спросил:

– Чё? – голос у него соответствовал росту. – Чё ты сказал?

Кирилл вздохнул. Не повезло, рядом лежал зомби глубокой третьей категории с сильно ограниченным объемом подкорки. Только вот инстинкт общения требовал выхода несмотря ни на что.

– Как самочувствие? – Лучше всего было сменить тему, не углубляясь в тонкости социодинамики.

– Да чё-то не очень, – откровенно прогудел детина. – Ломает всего. Ты как думаешь, скоро пройдет?

– Не знаю. – Кирилл действительно не знал. – У меня нормально вроде уже.

Сосед его оглушительно выдохнул и завистливо посмотрел на Кирилла. Однако инстинкт общения у него тоже включился и настаивал на реализации. Поэтому все остав-

шееся время нахождения в палате Кирилл слушал рассуждения, касавшиеся в основном особенностей кладки пластобетона. Виталь, как представился его сосед, работал именно в этой сфере. Впрочем, не обойдены были и рейтинги лучших забегаловок Северного округа, а также успехов Виталья в новой кибер-спортивной игре с рвущим названием «Суперудар 7.0». Кир пытался вставить в эти разглагольствования свои ценные замечания, но сила голоса соседа почти всегда побеждала его собственную скромную тональность.

Когда стандартные реабилитационные процедуры завершились и кресла-боксы, вновь обретя свой изначальный вид, повлекли их из палаты, Виталь был уже лучшим другом Кирилла. Виталь сам об этом сказал, и Кирилл как-то не стал спорить. Они даже обменялись контактами зомбифонов и торжественно обещали созвониться и как-нибудь пересечься. Может, и созвонятся, подумал Кирилл, но встретятся навряд ли. Он вообще не мог вспомнить ни одного случая дружеских отношений с третьеразрядными. Наверно, поэтому он и сам так сложно реагирует на тестя с тещей.

Выписка проходила в холле второго уровня почти в том же порядке, в каком и прием. Только очередей было шесть. И эти шесть рядов двуруких адекватных во всех отношениях зомби медленно текли к стойкам, за которыми неповоротливые административные роботы, потрескивая и постоянно зависая, выплевывали зеленые карточки-обоснования. Карточки эти нужно было предъявить на работе для обосно-

вания причины отсутствия. Соответствующий административный регламент был до последней буковки записан на подкорку каждого работающего зомби.

По большому счету информация о пройденной операции и так поступала в контору работодателя через универсальную федеральную сеть, и была доступна в любой компании и на любом предприятии в режиме реального времени. Однако зеленые карточки-обоснования никто отменять не соби-рался. Они несли высокий дисциплинирующий смысл, освященный вековой эволюцией. И Кириллу ранее такая строгость и упорядоченность исключительно нравилась. Она давала дополнительную уверенность и ощущение защищенности и надежности. Точно так же, как пластиковые банковские карты в торговых центрах, где все расчеты производились по кодам зомбифона, или как водительский руль в зомбимобиле, управляемом голосом. И кстати, почему «ранее»? И сейчас нравится. Да, точно нравится! Иначе будет как-то неадекватно.

Стоять предстояло достаточно долго. Кирилл осмотрелся вокруг. Его новообретенный друг Виталь был в той же очереди. К счастью, их разделяли три зомби: двое широкоплечих парней и одна очень симпатичная блондинка. С одним из парней, у которого были такие же серые метки на воротнике, Виталь, видимо, уже успел подружиться. Вот и новый лучший друг для него. Мысль пробежала, принеся то ли печаль, то ли облегчение. Другой широкоплечий парень, был

одет более дорого (белые метки трубили об этом) и занимался в меру своих усилий привлечением внимания стоявшей рядом такой же белобирочной зомби-девушки. Кирилл обратил внимание, что в его очереди вообще было много массивных зомби-мужчин и хрупких зомби-девушек. И почему-то они идеально находили общий язык. Сам он, со своим ростом немного выше среднего и телосложением точно средним, выбивался из общего тренда и больше подошел бы к обществу одной из соседних очередей.

Внимательно оглядев весь зал, Кирилл, к своему удивлению, не обнаружил белого платья с золотыми бирками и его молодой владелицы, которую он так бесцеремонно придавил утром. Удивительно, конечно, было и то, что он до сих пор помнил о ней. Причем помнил в мельчайших подробностях, вплоть до маленькой родинки над вздернутой верхней губой. Кирилл несколько огорчился, но золотые метки все равно относятся совершенно не к его уровню, так что мысли о них могут привести только к неадекватности.

Между тем стоило позвонить Лине. Все-таки инстинкт общения требовал реализации. Родное личико вынырнуло из экрана зомбифона почти сразу. Несколькими заученными вопросами она вытянула сведения о благополучном состоянии своего вновь двурукого постдруза. После чего его очаровательная подруга обрушила на его голову целый ливень новостей, мыслей, ожиданий и планов, накопленных за день, проведенный без общения с ним. К счастью, разъединение,

произошедшее под ворчание робота-администратора, оставило в голове только забытую еще ранее информация о сломанном утром каблуке. Это успокоило, можно было вновь благополучно ее забыть.

Поймав брошенную через стойку карту и потирая ухо, из которого самым небрежным образом извлекли карту помощи, Кир в заполненном до духоты лифте спустился в паркинг. Забравшись в родной зомбимобиль, он еще несколько минут посидел, привычно положив обе руки на руль. Совсем недолго, так чтобы не перейти границу адекватности. Затем завел двигатель и выехал с парковки.

Руль, конечно, был некоторой условностью. Даже при подключенном руле управления машина требовала до начала движения указать маршрут и, скорее всего, не допустила бы отклонения от него без перезапуска. Впрочем, мелкие маневры на дороге руль позволял совершать по собственному усмотрению водителя зомби. Это вызывало непередаваемо приятные ощущения контроля, по силе, наверно, близкие к ощущениям, возникающим при реализации инстинкта близости.

Глава 5

Дорога домой предстояла долгая. Автомат показывал, что время уже перевалило за шесть вечера, а значит, большинство зомби организовано покинули свои рабочие места, и плотные потоки их зомбимобилей наполнили улицы и проспекты обычными многочасовыми вечерними пробками. Можно было, конечно, спуститься в метро и гораздо быстрее добраться до дома по этой подземной паутине. Однако это значило добровольно отказаться от одного из основных бонусов предоставляемых второй категорией, не воспользоваться достаточностью зарабатываемых средств на приобретение зомбимобиля. В ситуации, когда даже для значительного числа третьеразрядных серых меток зомбимобиль был вполне доступным бонусом, вознаграждавшим за долгий стаж или особо важную работу, отказ от него зомби второй категории выглядел бы крайне неадекватно.

Главный закон эволюции гласит – выживают те, кто хватают все, что могут схватить, а кому не по силам что-то схватить, тот уходит на тупиковую ветку (смотри закачку базовой эволюционной теории за пятый класс школы). Относиться к части цивилизации, обреченной на вымирание, совершенно не хотелось. Да и пребывание в мягком удобном кресле зомбимобиля в окружении всевозможных гаджетов доставляло явно более приятные ощущения, чем протискива-

ние сквозь нескончаемый поток менее ценных для социума персонажей, заполнявший подземное чрево полиса. Немаловажно и то, что правильно построенная организация труда и досуга снизила ценность времени как ресурса до цивилизационного минимума. Поддерживаемый в полисе ритм постоянной спешки и вечного опоздания по сути своей носит скорее виртуальный характер. Он призван лишь стимулировать активность зомби-социума, предохраняя его от застойных явлений. Это делает еще более неадекватным отказ от очевидных удобств в пользу призрачной экономии нескольких единиц столь малоценного актива, как время.

Вот почему Кирилл спешил всегда, опаздывал постоянно, но никуда не торопился. Обнаруженная им при обратном выезде на магистральный Т-проспект пробка не вызвала у него нервной реакции. Нервные реакции у адекватных зомби не должны возникать даже в критических и скандальных ситуациях. А здесь вполне обычная и ожидаемая закупорка транспортной артерии в понедельник вечером. Тем более дождик уже прошел, небо налилось приятной голубизной еще без намека на вечернюю мрачность, левая рука работала и ощущалась, как родная... В общем, идеальное времяпрепровождение. Все-таки очень странное и длинное слово – «времяпрепровождение». Такое ощущение, что оно должно содержать массу смысла. Только бы понять какого.

Для полного комфорта требовались несколько дополнительных штрихов. В кресле надо было включить генератор

слабых блуждающих токов, что так приятно массирует поясницу. Стоило вытащить из бара бутылку не самого дешевого зомби-тоника. И, наконец, следовало щелкнуть по магнитоле, из которой тотчас же выплеснулась зажигательная, но негромкая мелодия. Вслед за ней над приборной панелью устроили танец маленькие фигурки четырех исполнительниц в крайне двусмысленных нарядах. Во время езды с Линой Кирилл подобные записи не включал. Не то чтобы это было запрещено или считалось неадекватным. Просто это рождало не слишком приятные и при этом очень затяжные рассуждения о природе зомби-мужчин в целом и его в частности. Кто и когда закачал эти темы на подкорку его постоянной подруги, Кирилл не знал, но найти эту личность и поступить с ней слегка неадекватно желание возникало. Под наибольшим подозрением ходила, разумеется, теща.

Как и любой другой зомби, имеющий уже совместно проживающую с ним постподругу, Кирилл большую часть времени в зомбимобиле проводил с ней. Вот почему расслабиться подобным образом получалось редко. Не получилось и в этот день. Уже на третьем глотке тоника, когда машина в очередной раз мягко тронулась, чтобы вслед за стоявшим впереди белым джипом проехать полагающиеся два метра, гармония была нарушена. В этом случае ее нарушил отнюдь не звонок Лины, как обычно бывало. И откуда она только чувствовала такие моменты? Гармонию уничтожили совершенно посторонние силы.

Белый джип, золотые ромбики на бампере которого возвышали его в прямом и переносном смысле над окружающей белобирочной и серобирочной массой, вдруг резко остановился. А затем и вовсе сдал назад. Сила и масса были явно на его стороне. Он не просто остановил скромную попытку Кирилла продвинуться вперед на его низком седане, но и, смяв как бумагу весь передний капот, толкнул его в обратном направлении. По донесшемся сзади удару Кир понял, что там тоже кто-то пострадал.

Тоник расплывался темным липким пятном по рубашке, кресло перестало массировать и с резкой надежностью притянуло его к себе. Креслу он был очень дорог. Оно единственное отвечало за его сохранность. Зомби-девушки на панели с абсолютным безразличием к окружавшей неразберихе продолжали, напевая о силе любви, ритмично оголять все доступные для оголения части тела. Все-таки он всегда подзревал, что он им не очень нравится. Ровно загудел сканер неисправностей. Стоит отдать ему должное, вначале он просканировал на предмет поломок Кирилла. Только после этого, успокоительно блеснув зеленой надписью «Все органы целы и функционируют», сканер начал проверять технику.

Еще раньше, отойдя от секундного шока, Кирилл ощупал свое тело. Начал он естественно с левой руки. Кажется, органы не повреждены и даже не подают виртуальные болевые сигналы. Впрочем, себе Кирилл доверял меньше, чем сканеру, поэтому успокоился только после его зеленого под-

тверждения. Ремни и выскочившие невесть откуда фиксаторы безопасности ослабли, позволяя Кириллу отстегнуть их. Первым делом он выключил музыку, неодобрительно хмыкнув на равнодушных девиц. А он им так доверял. Затем Кир открыл выгнувшуюся волной дверь, выкарабкался из машины и осмотрел ее.

Зомбимобиль восстановлению не подлежал. Зажатый между высоким джипом и обнаружившимся сзади небольшим грузовичком, его невинный маленький седан был похож скорее на порванную гармонику, чем на средство передвижения. Откуда у него в голове всплыл образ гармоники, тем более порванной, осталось не понятно.

Из грузовичка выбрался его недавний сосед по палате Виталь. Он без намека на мысль и без надежды найти мысль в будущем осмотрел слегка поцарапанный бампер, затем скомканный зомбимобиль Кирилла, затем самого Кирилла. Не узнал. Может, и не Виталь это вовсе, а просто похожий на него массивный детина с серыми метками. Наконец что-то переключилось на подкорке этого чистого создания.

– Чё это? Хрень какая-то... – Нет это был точно не Виталь, у того голос потоньше. – Чё? Смотреть не умеем? Чё, раз машина дорогая, водить не учат? – неожиданно глубокие для себя самого вопросы обладатель сурового голоса перемежал столь же мудрыми замечаниями. – Из-за таких дебилов не проехать уже!..

Кирилл молча показал на стоявший впереди джип. После

нескольких перещелкиваний, почти явно слышавшихся из волосатых ушных раковин этого точно-не-Виталья, поток устных размышлений и выводов был в усиленном режиме направлен на водителя внедорожника. Вообще Кирилл и раньше замечал, что многие зомби третьей категории, относятся к перворазрядным зомби с гораздо меньшим уважением, чем владельцы белых бирок. А изредка подслушанные слова, которыми третьи, обслуживавшие непосредственно личные нужды золотых бирок, описывали свое руководство, Кирилл если и знал, то повторить в адекватном обществе точно не мог.

Несмотря на сверхактивное движение, аварии на дорогах М-полиса случались крайне редко. Почти полная автоматизация управления транспортом своей главной задачей имела предотвращение подобных инцидентов. Однако, как говорится, нет такой машины, которую не одолела бы неадекватность. Или что-то в этом роде. Краткий курс афоризмов и цитат Кирилл в отличие от Лины удалил почти сразу после института. В результате у него вечно возникали сложности с определением своих статусов в соцсетях. Лину это всегда очень радовало.

Наконец, дверца белого джипа приоткрылась и взорам жалеющего свой зомбимобиль Кирилла и еще вещающего без всякой, однако, злобы не-Виталья явилась женская ножка. Ножка была стройной («тощеватой» на вкус не-Виталья) в золотых ажурных босоножках. Верх ножки маняще скрывал-

ся под краем короткого, но, видно, дорогого белого платья. Странно, но до вчерашней слегка неадекватной реализации инстинкта близости на кухонном столе Кирилл не обращал так часто внимания на красоту ножек и длину платьев встреченных зомби-девушек.

Водитель джипа между тем целиком вышла из своей железной колесницы, распространяя волны ароматов и растерянности. Это была она! Та самая наглая девица, что организовала неразбериху у лифта сегодня утром. В этом Кирилл не мог ошибиться. Даже родинка над приподнятой верхней губой была в том самом месте. Глаза ее были снова широко открыты, но узнала ли она его, осталось неясным. Казалось, она в принципе не знакома с этим миром. Кир отчего-то подумал, как красиво смотрится это хрупкое творение на фоне голубого весеннего неба под аккомпанемент вопросительных сигналов, собравшейся за ними пробки. Даже стоявший рядом с ним не-Виталь стал гундосить как-то нежнее и, наконец, вовсе затих и набрал по зомбифону экстренный вызов. Инстинкт у него сработал быстрее, чем у остальных.

Напряжение и невысказанность внутри Кирилла нарастали. Вот-вот с его губ должны были слететь какие-то слова. Слова, безусловно, важные и ценные. Первые слова в их новой встрече.

Вдруг взгляд зомби-девушки, так и не сфокусировавшись на Кирилле, помутнел окончательно. Лицо ее закрыла жуткая гримаса боли. Она согнулась пополам и в такой позе при-

валилась к колесу внедорожника. Она не закричала, а скорее захрипела, пуская слюни. Правой рукой девушка не просто царапала, а рвала свое левое предплечье, которое вскоре покрылось кровавой коркой. Сама левая рука бессмысленно болталась при этом из стороны в сторону, время от времени передергиваясь так, будто через нее пускали сильный электрический разряд. Разметавшиеся волосы засыпали лицо, не напомилавшее уже ни в одной даже самой мелкой детали то, что видел перед собой Кирилл еще несколько мгновений назад.

Вокруг собиралась толпа. Водители и пассажиры машин молча окружали мучавшуюся на земле зомби-девушку. Все молчали, казалось, даже не шевелились, скованные непониманием происходящего и, возможно, каким-то неадекватным удовольствием.

«Надо же ей помочь...» Мысль совсем не пронзила, а мягко вползла в сознание Кирилла. Он поднял руку с зомби-фоном. Тот светился красным. Экстренный вызов уже ушел по назначению. Скоро должны появиться робомедики. Они должны помочь. Глубины сознания вновь мягко подсказали, что помочь нельзя, да и помогать никто не будет. Зомби в таком состоянии, опасный для себя и для социума, подлежал немедленной изоляции и утилизации. Жаль... Конечно, жаль, она была такой привлекательной. Больше всего ему было жаль того, что он так и не сказал ей ни одного внятного слова.

То, что произошло дальше, наверное, можно объяснить только этой жалостью. Кирилл вдруг осознал, что идет к девушке. Их разделяло всего пять шагов, и два из них он уже сделал. Три... Четыре... Вот он уже наклонился над ней, сжал ее плечи, пытается удержать правую руку, терзающую собственное тело. Она невероятно сильна. Он тяжелее нее минимум в полтора раза, но с трудом удерживает ее руки. Прижимает к себе, так легче держать. Гладит по волосам, по спине. Рука в чем-то липком и темном. Девушка кричит уже в полный голос. Он шепчет ей что-то успокаивающее в ответ. Резкая боль в руке. Она еще и кусается. Но он держит, он должен держать. Он должен что-то делать. Она резко выгибается и теряет сознание. Странно: тело стало как будто тряпичным. Левая рука почти оторвана, висит на кости и лоскутах кожи. И всюду эта мерзкая липкая жидкость, пахнувшая сахаром и железом.

Вот и медицинские роботы подъехали. Их щупальца вклиниваются между ним и этим тряпичным телом... отрывают их друг от друга. Он не хочет отпускать, цепляется до последнего. Но железо – это не плоть, оно не поддается. Ее грузят в белый фургончик... Не кладут, а именно грузят, как будто она уже что-то неживое, что-то ненужное. Это неправильно, неадекватно, дико... Перед ним танцует круглоголовый автомат, дезинфицирует рану, собирает щупами показатели. Засветился зеленым, значит ничего опасного, но медицинский робот рекомендует поехать в больницу для полной

проверки. Наверное, неадекватно отказываться. Еще один закон эволюции – выживает тот, кто заботится о собственном сохранении.

Кирилл согласно кивнул, и его вежливо усадили в тот же фургон. Девушка лежала рядом, уже обмотанная щупальцами и проводами, аккуратно накрытая пластиковой простыней с прорезями для глаз и рта. Кирилл не смог долго смотреть на нее. Он отвел глаза и выглянул наружу. Плотная толпа по-прежнему окружала маленький пятачок рядом с его разбитой машиной и джипом. Багряно-черное пятно, даже по виду липкое, с несколькими вьющимися мухами, словно вытекало из-под заднего колеса внедорожника. Однако толпа смотрела не на кровь, и даже не на девушку, спрятанную под скользкой простыней. Все взгляды были устремлены на него. И каждый взгляд не просто изучал, но ощупывал, обнюхивал его лицо, его испачканную кровью одежду, разорванную на месте укусов, его исцарапанные руки. Кириллу стало неприятно до жути, но не из-за того, что он стал объектом столь пристального изучения. Нет. Он смотрел из глубины медицинского фургона, как из колодца. И на него смотрели сотни глаз. И в этих глазах его уже не было. На него смотрели адекватные здоровые зомби. Они видели его тело и его одежду. Они не видели его самого. Они не помнили хоть сколь-нибудь ясно, что с ними было вчера. Они не могли рассказать ничего, кроме того, что было электронным способом заколочено в их подкорку. И при всем том они знали,

точно и непреложно знали, что его уже нет.

Дверца фургона тихо закрылась, отрезав неприятный для него вид. Фургон зашипел, поднимаясь над вереницей стоящих машин и толпой зомби. В боковое окно Кир заметил, как его зомбимобиль и джип девушки грузят на эвакуатор. Стало снова обидно за машину, хоть большой потерей это и не было. Страхование транспорта было обязательным, и отраслевая страховая компания оплатит ему покупку нового зомбимобиля. Пусть не сразу, а после сбора десятка синих карт-справок, но оплатит. И даже предоставит на время сбора справок временный зомбимобиль, чтобы он не ощутил утрату заслуженного бонуса. Ну а собирание справок – это вообще самый увлекательный вид спорта в Центральном Зомбиленде. Где еще ты сможешь познакомиться с таким количеством интересных и общительных зомби? Где еще ты так весело и разнообразно проведешь время?

Зажужжал зомбифон. Сильно и настойчиво. Лина. Нужно ответить, выслушать море вздохов и океан восклицаний и дать взамен пищу для обсуждения с родственниками и подругами, пожалуй, дня на три вперед. Хотя нет, три дня она даже такое помнить не сможет. Но два дня – это уж точно.

Глава 6

Фургон принес Кирилла в главный медицинский центр Северо-западного округа. Комплекс из разноцветных стеклянных пирамид находился на пересечении вечно стоящего В-проспекта и старой кольцевой дороги. Кирилл здесь ранее никогда не был, кажется. Поэтому он с интересом осматривал гигантский приемный покой, встретивший его и бессознательную зомби-девушку резким запахом чистящих растворов.

Медицина во всех мировых зомбилендах находилась на очень высоком уровне. При этом зомби практически не болели. Может быть, конечно, они по этой причине и не болели. В процессе эволюции и развития организм зомби не без помощи медицинских технологий, разумеется, не только был адаптирован либо к полному невосприятию, либо к мирному сосуществованию с большинством болезнетворных вирусов. Нет. Организм зомби сам стал источником и местом зарождения целой группы новых полезных для него вирусов, которые полностью исключили подверженность его древним бактериальным инфекциям или таким доисторическим болезням, как рак. В результате зомби-особи обладали таким мощным иммунитетом, который их человеческим предшественникам не мог привидеться даже в самых смелых мечтах.

Поэтому основными проблемами, с которыми мог сейчас адекватный зомби обратиться в лечебное учреждение, были всевозможные механические повреждения или легкие недомогания, вызванные скорее совершенством, чем ущербностью его собственного тела. Например, распространенные желудочные расстройства обусловлены тем, что вирусы группы Z слишком успешно защищают зомби не только от болезнетворных бактерий, но и от микроорганизмов, призванных помогать в расщеплении и усвоении пищи. Однако, несмотря на все свои достижения, медицина не остановилась в развитии и сейчас. Ученые продолжают совершенствовать вирусы группы Z, продолжают развивать технологии, помогающие зомби укреплять и далее свое физическое и психическое совершенство.

Кирилл не записывал себе на подкорку ни одного курса, связанного с биологией или тем более медициной. А если и записывал, то давно стер и благополучно о них забыл. Все вышеперечисленные сведения он почерпнул за короткое время ожидания в приемном покое из циклически повторяющихся трансляций, идущих на развешанных по стенам зомби-панелях. Что-то похожее ему сегодня уже показывали в Центре замены левых рук и, кажется, еще в нескольких местах... или десятках мест. Информация, убеждающая в надежности и безопасности его существования, полностью объясняющая любые противоречия и неясности, вроде желудочных расстройств, сопровождала зомби постоянно и вос-

принималась очень позитивно.

Кириллу особенно нравились образы мудрых ученых, пекущихся где-то о его развитии и защите. Странно, но сам он никогда не видел ни одного ученого в реальности. Нет, ученые, разумеется, были представлены в многочисленных передачах, фильмах и зомби-сериалах. Все они как на подбор были там умны, сообразительны и с высшими зомбилюбивыми целями в жизни, которые постоянно озвучивали. Среди них встречались даже длинноногие зомби-девушки с пышными светлыми волосами и темными пухлыми губами, вызывающими отнюдь не научный интерес. Все эти ученые жили среди обычных зомби, верша свой великий труд и переживая общие для всех зомби проблемы. Проблемы понятно были в основном любовного плана. Что поделать, сериалы! Примерно в таком же контексте изображались строители, водители, торговцы и даже банковские служащие. И всех их Кирилл, находившийся как раз среди обычных зомби, видел и не раз. А вот ученых никогда. Разумеется, была вероятность того, что ученые ему все-таки встречались, но впоследствии стерлись из памяти, как и большинство событий, не записанных специально в отдельный уголок подкорки. Однако у Кирилла существовало внутри упорное ощущение, что такую встречу он бы точно записал.

Между тем где-то на втором цикле повторения информационных сюжетов в покой заглянул медицинский робот с функциями регистратора. Скрипучим тоном (кто только

записывает им голоса) робот потребовал у Кирилла номер медицинской страховки. Медицинские услуги оказывались в Центральном Зомбиленде исключительно на страховой основе. Каждому зомби при появлении на свет автоматически присваивался страховой номер, и номер этот случайным образом передавался на обслуживание в одну из семи отраслевых страховых компаний. В дальнейшем при оказании какой-либо услуги медицинская компания выставляла счет страховой компании, а последняя выставляла счет в Федеральный зомби-банк, который его и оплачивал. Когда-то давным-давно страховые взносы за зомби оплачивали компании-работодатели или, что и того смешнее, сами владельцы страховых номеров. Однако, поскольку в конце концов все эти субъекты брали средства все равно из одного государственного кармана, то от подобных лишних финансовых маршрутов отказались. В результате, осталась очевидно адекватная цепочка: больница – страховая компания – Федеральный зомби-банк. Больница лечила, Федеральный зомби-банк платил, страховая компания создавала занятость. Не убавишь, не прибавишь. Кирилл с удовольствием прокрутил в голове описание этой схемы. Хорошее финансовое образование было предметом его личной гордости.

Робомедик снова заскрипел про номер. Кирилл не помнил его наизусть и протянул руку с зомбифоном. Робот считал информацию с устройства и с возмущенным видом перекатился к девушке. Около нее он постоял секунды две, по-

скрежетал виртуальными шестеренками и, ничего не спрашивая, считал информацию с гаджета на полуоторванной левой руке.

В приемный покой в этот момент уже входил доктор в сопровождении внушительной свиты из робомедиков. Работа доктора была очень уважаемой и престижной. Кирилл не знал ни одного доктора ниже второй категории. И это было правильно, ведь им приходилось уместать на подкорке до десятка сложнейших институтских программ, вроде: Общих основ зомби-медицины и Усложненных инструкций обслуживания робомедиков.

Доктор вошел представительный с искусственной сединой на висках и выдающимся мясистым носом. Он явно идеально подходил для своей должности. Ведь основной функцией зомби-доктора является не такая ерунда, как физическое исцеление пациента. Для этого есть робомедики и централизованная диагностическая система. Миссия доктора – поддержание в пациенте ощущения надежности и безопасности, так сказать, создание психически-комфортной обстановки.

Первой, как и полагается, осмотрели зомби-девушку, находившуюся в более тяжелом состоянии. У Кирилла вообще родилось подозрение, что она уже не находится ни в каком состоянии. Робомедики, блестящей стайкой окружившие передвижной минибокс с пострадавшей, суетливо снимали показания, что-то измеряли и просвечивали. Доктор в это время откровенно скучал. Наконец автоматическая

диагностика ожидаемо дала результаты. Медицинский робот-регистратор выплеснул на экране, венчавшем его круглую фигуру, желто-красный текст. Доктору предстояло исполнить еще одну важную функцию – зачитать диагноз и засвидетельствовать его. Судьбу зомби, пусть даже неадекватных или нефункционирующих, мог определить только зомби, естественно, на основе объективных данных и выводов, предоставленных ему автоматами. По тому же принципу работали в зомбиленде уголовные суды.

В практически пустом покое слова врача, быстрые и малоразборчивые, прозвучали излишне громко. Вопреки ожиданиям Кирилл понял почти все.

– Острый нейро-конфликт... ошибочной присадкой второй ведущей руки... некомпенсируемый ущерб... зомби-кома... утилизация... – закончив диагноз на одном дыхании, доктор выдохнул и, не глядя, приложил руку с зомбифоном к заверяющей панели робота-регистратора.

Дальнейшая участь зомби-девушки была предельно ясна. Два робомедика подключились к минибоксу, которому выпало быть последним местом обитания того очаровательного создания в коротком белом платье, что сегодня утром столь беззастенчиво вторглось в память Кирилла. Крышка минибокса полупрозрачным куполом закрыла измазанные кровью, но в этот миг абсолютно умиротворенные черты лица зомби-девушки. Затем эта механическая компания укатилась в дальний конец покоя и скрылась за раздвижными

дверьми.

Внутри Кира что-то тренькнуло и оборвалось. В ушах зазвенело. Из темного закоулка сознания вылезла гадкая мысль. Мол, ты же с самого начала знал, что этим закончится. Так чего лез? Кому это надо? Кому?..

– Что кому? – вселяющий уверенность голос доктора прозвучал прямо перед ним.

Видимо, Кирилл упустил мысль наружу.

– Кому... Кто... – слова не слушались и никак не хотели складываться в предложение. – Кто это была? Что с ней?

Хроническая скука доктора принесла свои плоды, он был явно не прочь посплетничать. Переругивание с робомедиками наверняка не давало полноценно реализовывать инстинкт общения.

– Милашка из перворазрядных, – на воротнике доктора, как и у Кирилла, выделялись белые метки, поэтому он позволил себе слегка заговорщицкий тон. – Бедняжка. Пошла на замену левой руки и, черт знает каким образом, попала в очередь для левшей. Ей там жестянки и присадили вторую ведущую руку. А от этого уж потом конфликт нейронов, припадок и так далее. Вон и тебя задела видать.

Робомедики во время беседы бесцеремонно тыкали в Кирилла иглами и светили лучами всех цветов спектра.

– Жаль... красивая... – Кириллу было по-настоящему жаль.

– Была, – доктор утробно и противно хохотнул. – Ее бы

пораньше встретить, да замутить с ней.

Искусственная седина и напуская важность не могли скрыть возраст доктора. Скорее всего – тридцать лет с небольшим.

Автоматизированный регистратор завибрировал, сообщая о сформированном диагнозе пациента. Кирилл дисплея не видел, но надеялся, что буквы будут желто-зелеными.

– Так, посмотрим, что у вас, юноша, – доктор своей работой неприкрыто наслаждался.

– Неглубокие укусы... Минимальные повреждения... без сепсиса... – Успокаивающий до малейшей тональности голос вдруг запнулся. – Оп. Да вам тоже начудили с руками.

Кирилл нервно сглотнул.

– Опасаться нечего, – доктор, хотя и явно удивленный, постарался настроить голос на прежнюю волну. – Вы – левша, и, к счастью для вас, в центре замены рук вам просто поставили вместо утраченной ведущей руки еще одну руку неведущую. Сейчас мы ее у вас изолируем и снова направим в Центр на внеочередную присадку.

– В каком смысле изолируете? – Кирилл вопреки словам врача занервничал.

– Искусственно отторгнем, – доктор был непоколебим. – Это абсолютно безопасно и не создаст лишних неприятных ощущений.

Доктор еще что-то пробормотал, считывая текст с экрана регистратора, приложил еще раз свой зомбифон и дружески

распростался с Кириллом, оставив его на попечение робомедиков. Прощание показалось Кириллу даже излишне дружеским.

Робомедики заново собирали информацию о состоянии его тела с маленьких датчиков, разбежавшихся, как муравьи, по всей коже. Временное оцепенение, вызванное новостью о предстоящей потере новой руки, отпустило быстро. На смену ему мозг заполнил целый поток мыслей. Наверное, сбой регистрации в очереди произошел, когда он столкнулся с той несчастной зомби-девушкой. Все-таки как хорошо, что его ошибочная присадка не привела к таким же последствиям. На какой-то миг он очень ярко и красочно представил себя, мечущимся в кровавой пыли у колес в попытках оторвать присаженную левую руку. Однако, если допущена ошибка, то почему нет никаких неприятных ощущений? Скорее наоборот, он никогда не ощущал себя так хорошо. Никогда мысли его не были такими быстрыми и четкими. Никогда он не ощущал себя таким живым. Он даже не добавлял после каждого утверждения это набившее оскомину слово «кажется». Впервые в жизни он был достаточно уверен в своей памяти.

Размышления грозили затянуться. Однако главный вывод из этого потока удалось выцепить очень быстро. Он не хотел... Он категорически не хотел, чтобы ему отрезали только что присаженную руку. Не хотел, чтобы давали новую, так называемую «ведущую». Он без намека на сомнение был

точно уверен, что с этой «ведущей» рукой ему будет хуже. Не просто временное недомогание, как у тех зомби на выписке, а действительно хуже. Пришедшее без зова инстинктивное ощущение предстоящей катастрофы наполнило его разум. Оно заставило натянуться каждый нерв, обострило каждое чувство и приказало: «Действуй!»

Робомедики, кажется, уже закончили измерения. Какое все же неприятное, скользкое это слово – «кажется». Автоматов было шесть штук. Кирилл сомневался, что при открытом столкновении справится даже с одним из них. Необходимо было выбираться как-то иначе. Кресло-бокс, предназначенное для фиксации пациентов при операции, для него еще не прикатали. И выход пришел простой и неожиданный, столько раз виденный в зомби-панельных сериалах. Кирилл попросил отвести его в туалет.

Сколько раз он смеялся над тем, как подобные нехитрые уловки помогают спастись героям сериалов (как правило, из плена неадекватных зомби), сколько раз уверенно заявлял Лине, что в жизни это не сработает. А тут сработало. Один из робомедиков, пошуршав беспроводными мозгами (видимо, сверялся с формами отправления естественных надобностей, доставшимся зомби из дикого прошлого), попросил следовать за ним и покатил к белым дверям, спрятанным за колонной. Остальная металлическая компания, к счастью, осталась на месте.

За дверьми, к которым привел Кирилла робомедик, об-

наружился недлинный коридор с несколькими выходами, на одном из которых черный символический зомби сигнализировал о возможности оправиться. Недовольно сверкая синими огоньками, робот подвел Кирилла к нужной двери и предложил войти. Сам он остался на страже. Какое старинное и красивое слово – «стража», от него прямо веет тайной и опасностью. Сам медицинский робот вряд ли осознавал, что стоит «на страже». И он совершенно точно не подозревал пациента в темных замыслах и стремлении сбежать. Просто в его программу были заложены стандартные алгоритмы действий. Если он проводил пациента в туалет, то должен был проводить его и обратно.

Туалетная комната оказалась небольшой, с двумя кабинками и одной раковиной. Видимо, она предназначалась для технического персонала. Кир огляделся. Что же дальше?

Ответ, как и в прошлый раз, принесли зомби-сериалы. Почти в любой сомнительной ситуации мужественные их герои находили выход через вентиляцию. Кирилл осмотрел потолок. Желанная решетка с крупными прорезями обнаружилась прямо над одной из кабинок. Однако, даже взгромоздившись на чудо современной сантехнической мысли, которое при этом возмущенно попискивало, Кирилл до решетки доставал только кончиками пальцев. Пришлось сотворить целую пирамиду из корзин для мусора. В процессе создания сие архитектурное творение пару раз рассыпалось, производя невероятно громкие раскаты. Каждый раз при этом Ки-

рилл замирал, ощущая тревожное подергивание в груди, и настороженно смотрел на незапертую дверь уборной. На его удачу, медицинский робот, видимо, не хранил в оперативной памяти информации об особенностях отправления зомби естественных нужд и не посчитал столь шумную процедуру не соотносимой с ситуацией.

Корзины никак не желали собираться в устойчивое сооружение. В какой-то момент в голову пришла безумная мысль позвать робомедика и попросить его поддержать их. Вообще, Кирилла не покидало ощущение нереальности всего происходящего. По внутреннему самовосприятию он остался тем же самым зомби, что и утром, когда сидел в своем новеньком зомбимобиле рядом с постподругой, смотрел на стоявшие вокруг машины с такими же адекватными зомби, везущими таких же милых постподруг примерно на такую же работу. И вот он здесь. В самой сердцевине гигантской пирамиды медицинского центра, в явно технической уборной, строит башню из мусорных контейнеров, пытаюсь сбежать из-под охраны тупой железяки. А зачем? Что ему жалко этой руки, которую пришили-то всего несколько часов назад? Ну слегка жаль, но не настолько, чтобы уходить в такой неадекват. И повторной операции в принципе он не боится. Он же зомби, он вообще ничего не боится. Решено, если эти жестянки еще раз грохнутся на пол, он выйдет, сядет на каталку и, наплевав на все, подчинится судьбе.

Жестянки, как назло, не падали, и он, балансируя на гра-

ни равновесия, все-таки забрался на них, сдвинул вентиляционную решетку и, уцепившись за бортики, подтянулся вверх. Секундой позже, осматривая свысока покинутое помещение, он был преисполнен такой гордости от достигнутого успеха, что все предыдущие мысли напрочь покинули его разум. Он точно не хотел, чтобы этот насыщенный день закончился банальным исправлением ошибок. Что-то говорило ему, что ошибки этого дня ему еще пригодятся.

На правой руке пискнул зомбифон. Посмотрев на экран, Кирилл понял, что зомбифон автоматически набирает экстренную помощь. Какой бред! Он чувствовал себя отлично. Ни намека на слабость или заторможенность. Кирилл отключил гаджет. Зомбифон снова зажегся и набрал экстренный вызов. По сигналу устройства его найдут в любом месте. Кирилл опять нажал кнопку выключения и сильно стукнул зомбифоном о край металлической решетки. Тот обиженно гукнул и начал перезагружаться. Рука болела. Видимо, она пострадала больше, чем зомбифон. Выхода не оставалось. Кирилл отстегнул зомбифон и с размаху бросил его вниз. Глухо шлепнувшись о кафельный пол, зомбифон заискрился, создал нежное фиолетовое сияние и умер.

Кирилл задвинул на место решетку. Ощущения были паршивые. Несмотря на наличие одежды и нахождение в пустом и узком вентиляционном коробе, он ощущал себя словно голым и стоящим на всеобщем обозрении. Разрыв с зомбифоном дался ему крайне тяжело. Это было не просто устрой-

ство из металла, стекла и пластика. Это было почти живое создание, знавшее о нем все. Первый детский зомбифон появляется у ребенка уже при выписке из родильного центра. Разумеется, этот маленький пищущий кружочек на ручке даже близко не напоминает устройства взрослых зомби. Однако именно он обеспечивает зомби-ребенку первое общение, показывает первые картинки, учит выговаривать первые слова. При этом он же следит за физическим состоянием и развитием ребенка, сигнализируя при малейшей угрозе и поминутно записывая все показатели.

В процессе взросления носителя или совершенствования технологии зомбифоны меняются. И при каждой замене в новый зомбифон закачивается полный профиль со старого устройства. На протяжении всей жизни на зомбифоне накапливается личная информация конкретного зомби. Контакты, личные коды, медицинские данные, медиа записи и множество других данных, о которых сам зомби уже не помнит, хранятся в профиле его зомбифона. В любой момент они могут быть извлечены оттуда и использованы. Пусть адекватные зомби и не занимаются подобной ерундой, но потенциально это может быть сделано.

Кирилл не помнил свой первый зомбифон, и даже свой предпоследний зомбифон, но его последний аппарат помнил Кирилла младенцем, подростком и взрослым зомби. И мало что помнил, он мог показать и рассказать о нем в любом возрасте. Как же Кирилл решился уничтожить столь ценный

предмет? Интересно, смогут техники восстановить его профиль из облачного хранилища в полном объеме, или что-то утратилось уже безвозвратно? Честное слово, если бы не узость короба Кирилл развернулся бы и пополз обратно, чтобы бережно собрать разбросанные в сиюминутном порыве по холодному кафельному полу осколки всей своей жизни. Впрочем, проход был узок, да и сбор осколков из сентиментальных соображений не самое лучшее занятие для адекватного зомби.

Кирилл прополз уже около десятка светящихся решеток, сквозь которые видел различного рода технические помещения, в некоторых из которых копошились медицинские роботы. Наконец вентиляционный проход свернул направо и по ту сторону решеток начали появляться больничные палаты. В каждой находились по несколько передвижных мини-боксов с пациентами. Ни одна из них не подходила для его целей. Плохо было то, что Кирилл сам не знал, что ищет, и какие, собственно, у него цели. Вернее сказать, общую цель он более-менее представлял – выбраться отсюда в безопасное место, где никто не будет покушаться на его телесную целостность. Только как это сделать, и где находится это место? Вот эти моменты были покрыты для Кирилла непроницаемым туманом.

Внизу под очередной решеткой обнаружилась пустая палата, да еще с незакрытой дверью. Видно удача решила снизить и до его скромной особы. Сломав ноготь Кир, припод-

нял неуступчивую металлическую конструкцию, затем аккуратно спустил вниз вначале ноги, потом все тело, повиснув на вытянутых руках. До пола оставалось еще далеко. И зачем в больницах делают такие высокие потолки? Кирилл разжал пальцы и пролетел метр неизвестности, отделявший его от плиток пола. Вроде ничего не расшиб. Только сломанный ноготь занудно ныл.

Оглядевшись, Кирилл утвердился в первом впечатлении. Палата была пуста. Два стоящих в ней кресла-боксы были отключены от систем. Рядом с одним из них на полке присутствовали початая бутылка тоника, стакан и воткнутый в зарядку планшет, используемый обычно для просмотра видео вне дома. Родилось ощущение, что в палате кто-то неплохо проводил время. Этот кто-то мог в любое мгновение вернуться, так что медлить не стоило.

Кирилл почему-то на цыпочках (в пустом-то помещении) подкрался к двери и как можно спокойнее потянул ее на себя. Дверь резко распахнулась. Нос к носу с Кириллом стоял тот самый доктор в очках и с покрашенной сединой. Неизвестно кто в большей степени удивился неожиданной встрече. Но инстинкты у Кирилла оказались быстрее. При этом такие инстинкты, о самом существовании которых до этого момента он и не подозревал. Его новенькая левая рука без всякого осознанного приказа подлетела неожиданно вверх, и ее сложенные в кулак пальцы с неприятным чмокающим звуком встретились с нижней челюстью молодого врача.

Кирилл, как и любой адекватный зомби его возрастной группы, спортом интересовался, в основном лежа на диване перед зомби-панелью. Однако рука ему попалась видимо крепкая и качественная, а вот доктор не очень. Глаза последнего под очками расплылись невнятными лужами, и с тихим свистом он осел в объятия Кирилла. Все еще не подключая мыслительный процесс, Кирилл оттащил доктора к боксу, расположил его там, с непонятной целью сняв очки, но поставив на грудь планшет.

Сознание наконец вернуло себе контроль над взбунтовавшимся телом Кирилла и сразу же выдало жуткую мысль. Зомби, причинивший урон другому зомби, не может быть адекватен. В мире адекватного зомби-социума нет места насилию. Шлепки и покусывания при реализации инстинкта близости не в счет. Грань стерлась. Мозг сверлило пришедшее вдруг объяснение всему совершенному им за сегодня.

– Я – неадекватен! – кажется, он сказал это вслух.

Руки между тем, опять вырвавшись из-под контроля мозга, отстегнули зомбифон врача. Еще удача, что устройство не отличило бессознание, пришедшее от удара от обычного ночного бессознания. Руки продолжили снимать с доктора одежду. Осознавать себя неадекватным зомби было дико, но то ли из-за стресса, то ли из-за нервной обстановки Кирилл никак не мог сосредоточиться на всей глубине своего падения. Привязав доктора к боксу своими окровавленными тряпками, он надел его брюки, рубашку и халат, нацепил

на нос очки. Стекла были нулевые и ничуть не мешали видеть. У всех зомби вообще не бывает проблем со зрением. Очки носят для придания солидности или повинуюсь модному тренду.

Зомбифон Кир не стал надевать на руку, просто сунул гаджет в карман брюк. Тот мог распознать чужака-носителя и поднять тревогу. Непонятно было, почему до сих пор медицинский робот, ожидавший его у дверей туалетной комнаты, не устроил соответствующий переполох. Кирилл взглянул перед выходом на висевшие в палате часы, дань старине в эпоху, когда каждый электронный прибор информировал о времени. Судя по стрелкам, на путешествие по тоннелям вентиляции, отключение доктора и переодевание он потратил не более десяти минут. Ощущение времени, видимо, сбивается у всех неадекватов. Кир испустил долгий вздох по своему адекватному прошлому и вышел в коридор.

Там было пустынно, только в дальнем конце два робомедика колдовали над каким-то замысловатым устройством. Кирилл повернул в противоположную сторону и постарался не сорваться на бег. Замыкавшая коридор с этого конца дверь послушно распахнулась от сигнала поднесенного к датчику зомбифона доктора. Таким же образом поступили еще несколько дверей на пути. За последней из них открылось широкое гулкое пространство зала выписки. Народу и мыслящей техники здесь было достаточно много. Шум навалился и оглушил. Ноги отказались слушаться и, кажется, за-

дрожали. Кириллу показалось, что все в холле повернулись и смотрят на него. Сейчас его разоблачат и вернут обратно.

Однако впереди уже маячило сгустившееся в сумерках вечернее небо. Кирилл огляделся и понял, что никто на него вообще не смотрит. Он сделал первый шаг. Только бы не выдать себя. Он снял и повесил на руку халат, осознав, что врачей в холле не было и он слишком выделяется своим белоснежным одеянием. Смотреть лучше вперед, прямо перед собой. Взгляд, встретившийся с чужим взглядом, может спровоцировать реализацию инстинкта общения. Кир столкнулся с зомби-женщиной явно за пятьдесят, та открыла рот. Сейчас будет скандал с громким выражением ощущений. Но нет, та увидела халат, переброшенный через руку, очки в роговой оправе на носу и, буркнув пару невнятных слов, отошла в сторону. Кирилл нежнейшим образом ей улыбнулся, чем окончательно вывел из себя, и она снова встала в только что выстоянную очередь к администратору. Отношение к докторам, особенно в пределах медицинского центра, всегда было уважительным.

До дверей оставалось шагов двадцать. Напряжение внутри уже почти отпустило. Еще немного и он выйдет вслед за тем жизнерадостным молодым оболтусом с перевязанной рукой...

– Доктор Егоров, – кто-то надежно ухватил его за локоть. – Вы куда это направляетесь? Вам же еще полсмены дежурить.

Вырваться не было никакой возможности. Стоявший позади зомби держал его крепко. Сердце понеслось неровными скачками. Оказывается, зомби может слышать стук своего сердца. Кирилл дернулся. Неудачно. Чьи-то сильные руки потянули его назад и развернули.

Перед Кириллом стоял зомби настолько высокий, что для того, чтобы заглянуть в его лицо Киру пришлось задрать голову. На зомби был надет белый халат с золотой биркой на переднем кармане. Седина на его висках была вполне естественного происхождения. Удивительно, но Кир не мог вспомнить, когда видел в последний раз по-настоящему седых зомби. Несколько пожилых зомби имелись среди его знакомых, не старых, а именно пожилых. И никто из них не был седым.

– Вы не доктор Егоров, – вопроса в этих словах не прозвучало, зато их пропитывало удивление и какое-то недоверие то ли к себе, то ли к собеседнику.

Чутье подсказало Кириллу, что далее последуют вопросы к его собственной личности. Необходимо этого избежать любой ценой.

– А почему собственно я должен им быть? – Кирилл сам поразился наглости своего тона.

В неадекватном состоянии он оказался намного смелее. Доктор с золотой меткой, видимо, тоже не привык к подобному стилю общения, тем более с пациентами, тем более с второй категорией.

– На вас его очки и халат под мышкой... – он пустился в объяснения.

Это давало столь нужный шанс. Кирилл вытянул свою руку из захвата и продолжил наглеть.

– И что? Халат мне дали взамен разрезанной одежды. Кстати, на улице, видимо, тепло, и он мне уже не нужен.

Он всунул халат в еще протянутые к нему руки ошалевшего врача.

– А?..

Доктор не мог не верить, пусть даже все звучало нелепо. Зомби не умеют лгать при общении.

– А очки? – с апломбом предвосхитил Кирилл следующий вопрос. – Их доктор Егоров мне подарил. Передайте еще раз ему спасибо.

Кирилл пожал высокому доктору руку, которую никто ему, в общем-то, не протягивал, повернулся к нему спиной и вышел за двери. Он хотел даже обнять старичка напоследок, но решил, что это будет уже лишним. Тот мог ощутить его внутреннюю дрожь. Кирилл спустился по пандусу и свернул за угол здания. Он влился в редеющий поток спешивших к своим домам зомби, донесший его вскоре до ближайшей станции подземки.

Уходить с поверхности не хотелось. Освежающий вечерний воздух, пронзенный весенней прохладой и сыростью, поднимал настроение. Кирилл шел среди толпы адекватных зомби, в основном третьей категории, и ощущал себя слиш-

ком хорошо для личности, потерявшей свое место в зомби-обществе. С одной стороны, прежняя жизнь для него утрачена навсегда. Зомби, впавшего в неадекватность, ожидало только одно – утилизация. Он не сможет появиться на работе, не сможет приобрести новый зомбимобиль взамен разбитого... Без своего зомбифона он даже еду не сможет купить. И дома у него тоже не осталось. Он не сомневался, что Лине в самое ближайшее время сообщат о его потере. Неизвестно как это будет сделано, но Лина точно расплачется. Она искренне будет жалеть его, и себя будет жалеть. Впрочем, если он случайно окажется у нее на пороге, то она без раздумий вызовет робополицейских, а потом опять заплачет. Интересно, как бы он реагировал, если бы ему сообщили о неадекватности Лины? Наверно, по-другому. Хотелось бы верить, во всяком случае, что по-другому.

Однако была и другая сторона. В данный конкретный момент он ощущал себя... Нет, не ощущал! Ощущают холод, когда лезут в холодильник за сосисками. Он чувствовал себя удивительно и замечательно. Он помнил все, что произошло с ним сегодня и вчера. Как жаль, что Лина потеряна для него, вчерашняя близость была потрясающей! Кирилл помнил даже некоторые события, что произошли неделю назад... месяц назад. И помнил не размытыми туманными образами, а вполне четко и в мельчайших деталях. Он смотрел на небо, на вылезшие недавно зеленые липкие листочки на деревьях, на вездесущих воробьев и знал, что запомнит все это. Каж-

дый оттенок цвета, каждый аромат, каждое очертание. И будет помнить до конца. Тем более что и конец, скорее всего, придет быстро. Ну и ладно. Жалко, конечно, но не так уж страшно. Смерти все равно не существует.

На языке вертелись исключительно превосходные формы слов. Вокруг было так много поразительнейших и потрясающих открытий. Оказывается, вечернее небо над М-полисом, закрытое облаками, приобретает удивительнейший фиолетовый оттенок. Оказывается, даже девушки третьей категории, даже с серыми бирками на руках, выглядят очень привлекательно. И они так очаровательно улыбаются, когда начинаешь смущать их пристальным взглядом. Оказывается, в М-полисе есть уличные кошки. Кир точно видел в кустах одну с рыжим хвостом и наглым взглядом. Оказывается, идти по улице приятнее, чем дергаться внутри зомбимобиля в нескончаемых пробках.

Неожиданно оказалось, что можно жалеть зомби, оставшихся адекватными. И можно улыбаться и быть довольным без особой причины, просто потому, что удалось сбежать из гигантской стеклянной пирамиды.

Вот поэтому абсолютно и безапелляционно не хотелось уходить с поверхности в раскрытую смердящую пасть под земки. Только вот других вариантов не было. Остаться поблизости от медицинского центра – это все равно, что самому пойти на утилизацию. А это не просто неадекватно. Это глупо... Одно дело не страшиться конца, и совсем иное –

стремиться его приблизить.

Подземка в М-полисе называлась Метро и покрывала своей сеткой всю территорию полиса, включая малоэтажные пригороды. Ни в одном другом полисе Центрального Зомбиленда, а возможно, и остальных зомбилендов, не было такой разветвленной и ухоженной подземной транспортной системы.

Вход в нее был свободным. На определенном этапе подсчитали, что расходы по сбору платы за проезд, пусть даже автоматизированные, с каждым годом все возрастают и возрастают, а новых рабочих мест не создают. Поэтому плату за вход отменили, но турникеты на входах оставили. При прохождении через них с зомбифона пассажира считывалась информация, для удобства и безопасности.

Кирилл остановился перед порталом станции. Станция называлась «В-проспект». Это было более чем логично, потому что находилась она на В-проспекте. Проникнуть внутрь можно было по зомбифону побитого и связанного доктора Егорова. Однако что-то подсказало Кириллу, что доктора уже нашли, развязали и, возможно, даже привели в сознание. А значит, сигнал его зомбифона наверняка отслеживают. Эта мысль заставила Кира незаметно выбросить трофейный аппарат еще в начале пути.

Сможет ли он пройти на станцию без зомбифона, оставалось для Кирилла загадкой. В бытность студентом института он часто пользовался социальным транспортом. Однако с

поступлением на должность и приобретением первого зомбимобиля информация о правилах и порядке использования метро оказалась совершенно ненужной и была безжалостно удалена с подкорки. Допустив еще одно минутное размышление и поняв, что три других транспортных варианта (поймать зомбимобиль, вызвать зомби-такси или пуститься в бега своим ходом) либо нереализуемы, либо смехотворны, Кирилл влился вновь в поток стремящихся домой зомби. Ему возвращаться было некуда, отчего стало тоскливо до невозможности.

Внутри портала станции поток зомби разбивался на привычные очереди к трем турникетам. Всего турникетов было семь, но если бы открыли их все, то желаемого эффекта очередности создать бы не удалось. Кирилл попал в крайний правый ряд. Перед ним стоял весьма дородный зомби третьей категории, судя по одежде, техник. Сзади встала миниатюрная зомби-девушка тоже с серыми метками на платье. Понять ее профессию не удалось. Такой расклад не совсем устроил Кирилла. Поэтому он повернулся к зомби-девушке с открытой улыбкой и предложил:

– Прошу...

Широкий жест руки в красивом белобирочном рукаве (рубашка доктора Егорова была вызывающе дорогой на вид) показывал, что Кир предлагает девушке свое место в очереди.

– Что? – видно, раньше таких предложений ей не делали

никогда.

Щеки девушки покраснели, а взгляд метался от улыбки Кирилла к белым меткам второй категории на его манжетах. Скорее всего, доктор немного подкрашивал рубашки при стирке, так как белые метки слегка поблескивали золотым отливом.

– Проходите. Займите мое место. – Кирилл выдал свою максимально проникновенную тональность, немного даже с хрипотцой. – Таковую очаровательную девушку так приятно пропустить вперед.

Картинка в голове у малышки, видимо, сложилась в знакомые очертания. Подходящий стереотип поведения был мгновенно извлечен из базы инстинктов и применен.

– Спасибо. – Пара хлопков ресницами и томный, нарочито отведенный взгляд придали значимости произнесенным словам. – Это очень мило.

Хрупкое создание прошло на предложенную позицию, откинув волну иссиня-черных волос, непонятным образом возникшую из-под туго завязанной косынки. Кир встал позади. Фигурка у малышки действительно впечатляла. Очередь медленно продвигалась вперед. Волна волос, занимавшая теперь взгляд Кирилла, призывно встрепенулась. Спина зомби-девушки ожидала продолжения подката. Кирилл ждал. Откуда-то из самой глубины памяти всплывали потихоньку студенческие навыки, стершиеся с приходом периода постоянных подруг. Слишком быстрый напор может спуг-

нуть. Малышка сама должна захотеть, чтобы ее поймали. Молниеносный взгляд через плечо. Конечно, ее что-то заинтересовало в начале очереди... Покашливание... Поправила прическу... Еще раз тряхнула волосами... Можно.

– Не могу отвести от вас взгляд. – Голос действительно удалось сделать хрипловатым. – Такие красивые волосы. Кстати, я – Егор.

Кирилл слегка наклонился, создавая эффект интимности общения. Девушка обернулась. Взгляд на этот раз вышел прямой и изучающий. Глаза были совершенно черными, в тон волосам.

– Лина. – Она протянула руку.

Проклятое совпадение чуть не разрушило план. Кирилл немного замешкался, но в новом своем формате он явно соображал быстрее, чем раньше.

– Волшебное имя. – Приняв поданную для пожатия руку девушки, он поднес ее к губам.

Слюни размазывать он не стал, достаточно быстрого теплого прикосновения. От руки пахло земляникой. Духи дешевые, явно третьеразрядные, но сама малышка была очень даже неплоха. Прямо из студенческого прошлого. Вот, откуда-то из прошлого и слово «малышка» всплыло и никак не отвязывалось. Руки ей, видимо, целовали нечасто. Бледная кожа на щеках покрылась ярким румянцем, который из-за присущего всем зомби зеленоватого оттенка казался немного лиловым. Кирилл пустил еще пару фраз, выхваченных из

зомби-панельных сериалов. Незатейливо он вставил в речь информацию о своей работе доктора в медицинском центре. Добавил про разбитую машину, которой он так благодарен, потому что это привело к их встрече.

Лина-два ловила каждое слово. Нужно было держать себя в руках и не переборщить с сериальным мылом, а то поймет и сорвется. Однако девушка, хотя сериалами явно жила, понимать и срываться не собиралась. Она откровенно хихикала и даже невзначай погладила Кира по руке. Ну как невзначай? Как и все девушки «невзначай»... Абсолютно бессодержательное и непонятное слово, освобождающее женскую половину зомби-социума от любой формы ответственности за свое поведение. По ее мнению, конечно.

Очередь между тем поднесла их непосредственно к турникетам. Стоявший впереди округлый техник уже прорвался через узкий проход и по эскалатору спускался вниз. Зомби-девушка, увлеченная невинным, по ее ощущениям, флиртом, не обращала на это обстоятельство никакого внимания. Стоявшая позади очередь, на которую Кирилл не произвел ни малейшего впечатления (собственно и не собирался), незамедлительно привлекла внимание зомби-девушки к ее оплошности.

– Че тормозим? Заснули? – Стоявшая за Кириллом женщина, судя по формам, родственница ушедшего в отрыв техника, обладала на редкость гулким басом.

Поверьте, это не опечатка, и да, Кириллу было известно,

что бас – это тембр мужского голоса. Вырванная сими трубами из окутавших ее неких грез Лина-два подскочила от неожиданности. Впрочем, местный стиль общения был ей явно не чужд, и только присутствие белобирочного доктора остановило ее от адекватного ответа. Кирилл также не отвлекся, ему необходимо было не упустить момент. Как в неизвестном танце он подхватил новую знакомую практически в объятия, поднес к турникету и провел и ее, и своей рукой по панели регистрации, давая всем и ей в том числе понять, что они оба отметились. Турникет пикнул и пропустил их.

– Простите, я хотел спасти вас от этой особы... – Хрипотца и проникновенность давались ему все легче.

– Я так и подумала. – Голос зомби-девушки упал до шёпота. – Если хочешь, будем на ты, Егор.

Ему понравилось, как она произнесла его вымышленное имя. План, созданный только для проникновения в подземку, получал неожиданное развитие. Во время спуска на эскалаторе он так и не выпустил ее из объятий. Они стояли так близко друг к другу, что его горячее дыхание тревожило очаровательно непослушную прядку на ее виске. И при каждом реальном и мнимом толчке она упиралась испуганными ладошками в его грудь. На платформе пришлось ее отпустить, и в вагоне поезда они просто держались за руки.

Глава 7

Первый сон Кирилла был жутким. Он сидел внутри одного из тех минибоксов, которые видел в палатах медицинского центра. Руки, ноги и шея его были надежно зафиксированы пластиковыми лентами. Прозрачный верх бокса был полностью закрыт. Несколько блестящих до боли в глазах робомедиков стояли вокруг и, вытянув щупальца, пытались проникнуть внутрь бокса с очевидной целью – утилизировать неадекватного зомби. Щупальца заканчивались иглами и крючками самого жуткого вида, которые скребли по пластику визгливо и мерзко. Кирилл видел, что прозрачный материал вот-вот уступит и крюки доберутся до него. И первым делом они оторвут его руки. Он ждал и ждал, содрогаясь от ужаса, а пластик все не поддавался. Это ожидание было страшнее того, что ждешь. Под конец он сам начал ногтями царапать жесткий купол бокса и кричать, требуя открыть и закончить эту муку.

И тогда роботы набухли, железная броня их пошла сеткой трещин и осыпалась. Вдруг оказалось, что это стая крысощеров. Зубы их впились в верхушку минибокса, пробив ее сразу насквозь. На лицо Кирилла из пастей монстров капала едкая слюна. В этот миг он должен был проснуться, но как ни странно явь не пришла.

Он неожиданно осознал, что трет глаза, стараясь удалить

ядовитую пакость, а это вовсе не слюна чудовищ, а обычная мыльная пена с ароматом ванили и персика. Она легко смылась теплой приятной водой. Кирилл поднял глаза и увидел себя в зеркале своей собственной ванной комнаты. Зеркало было запотевшее, и отражение расплывалось в нем. Кирилл начал стирать со стекла капельки конденсата полотенцем. Что-то внутри говорило ему не делать этого, потому что при ближайшем рассмотрении он обнаружит в зеркале не свое лицо, а морду какого-нибудь чудовища. Однако Кирилл не мог остановиться и все тер и тер полотенцем стекло. Когда оно наконец-то стало сухим, Кирилл зажмурился. Затем медленно открыл глаза. В зеркале был он. Обычный вид после принятия душа. Волосы мокрые и всклокоченные. А за плечом стояла Лина, завернувшаяся по грудь в полотенце, и улыбалась ему. На голове привычный тюрбан скрывал ее светлые волосы, глаза были широко распахнуты. Кирилл повернулся и обнял свою постоянную подругу, и она так нежно прижалась к нему теплыми, слегка влажными плечами и неожиданно поцеловала его за ухом.

Он снова закрыл глаза и прикоснулся своими губами к ее губам. Они были холодны. Кирилл хотел оттолкнуть ее, но не смог. Руки зомби-девушки стали внезапно жесткими. Через силу он разомкнул веки и понял, что его сжимает в объятиях пустота, медленно сгущающаяся и приобретающая формы неизвестного механизма, перепутанные провода которого как огромные змеи обвили Кирилла и душили все

сильнее. Чуть в отдалении стояла и Лина. Она была полностью одета и держала за руку очкастого, ехидно улыбающегося доктора из медицинского центра. Глаза ее были пусты и смотрели сквозь него, будто и не было его больше на свете. Точно такие же глаза были у каждого зомби в той толпе, что наблюдала за ним, спрятанным в глубине медицинского фургончика, и не видела его. Кирилл ощутил укол в области шеи, руки его перестали слушаться, и он закричал:

– Лина!..

Кирилл проснулся. Второй его сон, очевидно, также оказался кошмаром. Занимательное слово – «кошмар». Смесь кошки и смерти. Смерть, растянутая и выгнувшаяся, как кошачья спина, под которой оказался ты. И такая же обманчивая и ненастоящая.

Кирилл лежал на мягкой подушке в полной темноте. С левым плечом было что-то не так.левой руки он не чувствовал! Холодный пот мгновенно покрыл все тело, в ушах зашумело. Как? Когда? Не веря сам себе, он ощупал левое плечо, затем предплечье. Рука была на месте. На ней кто-то мирно посапывал, отчего она слегка затекла. Кирилл пошевелил пальцами, в кончиках закололо. Он почти успокоился, хотя внутри еще подергивалась какая-то чрезмерно натянутая струнка.

Лина-два заворочалась на его плече, перевернулась на другой бок, но из состояния бессознания не вышла. Инстинкты требовали отдыха. Лина-два Кириллу нравилась, но

расставание с ней стало так же неизбежно, как и разлука с Линой-один. Кстати выяснилось, что тезками они не являлись. Милая новая знакомая носила гордое имя Аделина, по мнению Кирилла, никак не соответствующее ни ее работе, ни месту проживания. Работала она менеджером по обслуживанию гостей в маленьком ресторанчике.

– Официанткой? – уточнил он на всякий случай.

Она в ответ фыркнула и надула нижнюю губку.

– Менеджером! – кажется, впервые за время недолгого знакомства она повысила на него голос, и тут же, решив, что переборщила, нежно добавила: – Милый, ну ты же понимаешь, что это абсолютно разные вещи. Официантками работают всякие там... из пригородов.

Он конечно понимал. Лина-два была не из пригорода. Она снимала на Юго-востоке отдельную крохотульную квартирку, в которой кухня, столовая и спальня умещались в одной двадцатиметровой комнате. Она хитростями через многочисленных знакомых торговых консультантов добывала себе белобирочную одежду и чувствовала себя королевой мира. На почетном месте в углу шкафа у нее висел даже воздушно-лазурный шарфик с немной затершейся золотой биркой. Это была первая вещь, которую Кириллу продемонстрировали, гордо задрав нос, просто тянущий к поцелуям.

Кирилл у Аделины обжился быстро. Инстинкт близости реализовался у них в первую же ночь. Дважды. Инстинкт общения реализовывался непрерывно. На следующий день у

нее был выходной. Он соврал, что у него тоже. Она отменила все дела и встречи и провела весь день с ним. Он соврал, что тоже что-то там отменил. Почти весь день они не вылезали из постели. Небольшой формат жилища исключал ограничения типа не есть в кровати и не реализовывать близость на кухне. Такая новизна будоражила.

Аделина успела рассказать ему всю свою жизнь и, забыв, что говорила вначале, стала повторяться. Семья, живущая в соседнем блок-районе. Бессмысленная школа – там же. Закачанные на подкорку курсы ресторанного дела. Сохраненные на подкорке знакомые. Родственники и родители. Ах да, про них же уже говорили. Кирилл в ответ врал, как мог. Доктор в крупном медицинском центре. Важные знакомые – все сплошь белые и золотые бирки (конечно, обязательно вас познакомлю). Большая квартира (разумеется, жить будем именно там). Машина и зомбифон последней модели (жаль, что разбились, но страховка оплатит новые).

Никогда прежде ему не приходилось врать в таком объеме, да и вообще не приходилось врать. Умение при реализации инстинкта общения искажать свои мысли пришло внезапно, одновременно с новыми чувствами и легкостью восприятия. Поначалу оно вдохновляло не меньше, чем способность не забывать то, что происходило прошлым вечером. Однако ближе к вечеру, глядя в широко распахнутые ресницы Аделины, он стал испытывать некоторую неловкость и даже в определенной степени неприятное ощущение от вра-

нья. Такое, как будто даришь ребенку огромную коробку в яркой цветной обертке, а внутри – пусто.

Готовить Аделина не умела и не собиралась, поэтому вечером перекусили по-быстрому – заказанной пиццей. Потом Кирилл стоял за тонкой перегородкой душа, слушал, как Лина-два в пятнадцатый раз пересказывает очередной подруге историю своего счастья, и смущенно скреб затылок. Ночью нужно было двигаться дальше, у него появился новый план. Прости Аделина, так вышло.

Сон полностью выветрился из головы. Печально одинокие цифры в углу выключенной зомби-панели показывали пять часов утра. Осторожно, только бы не разбудить зомби-девушку, он выбрался из-под одеяла. Сложнее всего было вытянуть захваченную ею левую руку. Впотьмах Кирилл напялил заботливо постиранные и поглаженные малышкой вещи контуженного доктора. Подошёл к кровати, опустил на колени, на секунду прижался к теплому виску. Отстегнул с руки спящей зомбифон. Поганое ощущение, она так долго на него копила. Блестяшки на ремешке укоризненно сверкнули в его адрес.

Прости. Знаю, забыть даже такое не составит труда. Уже через неделю в памяти сотрутся и навсегда исчезнут самые смутные очертания этой встречи. Зомби-мир вообще легко все забывает. Слишком легко и напрасно все. Однако за несколько жутко неприятных часов и грустных дней, прости, Аделина.

Дверь скрипнула и защелкнулась, приятно отрезав прощание. Впереди ждали новые испытания. День, проведенный в размышлениях, которым абсолютно не мешал непрекращающийся щебет оставленной малышки, позволил прийти к нескольким выводам, показавшимся Кириллу неопровержимыми.

Во-первых, он по-прежнему не хотел терять обретенную им свободу ощущений и воспоминаний, пусть даже приведшую его к неадекватности. Или наоборот – вызванную этой неадекватностью. Неважно. Он все больше укреплялся в мысли, что и несколько дней в таком состоянии невозможно, невысказанно променять на годы сплошного бессознания, окружавшего его раньше.

Во-вторых, даже если бы он захотел вернуться в прошлое состояние, у него ничего не получилось бы. Зомби-общество не имело реабилитационных механизмов. Зомби-особь – это почти идеально эволюционировавший набор инстинктов, по сути, органический механизм, приспособленный к окружающей среде и обществу таких же механизмов, подчиненных общей регулируемой инстинктами программе. Однако есть маленькая проблема. Сбой в программе инстинктов отдельного механизма невозможно устранить. Отдельные зомби не поддаются починке или перезагрузке. Впрочем, для зомби-социума это даже не проблема. Давшие сбой зомби-единицы просто подлежат изъятию и утилизации, точно так же, как износившиеся или изначально рожденные негодными

для эксплуатации единицы. Само зомби-общество от этого только улучшается и очищается.

Таким образом, пути назад у Кирилла не было. Зомби-мир забывал, но не прощал и не принимал обратно.

Из двух описанных умозаключений, Кирилл сделал третий и главный вывод. Единственный способ максимально продлить свое новообретенное состояние, вызванное, видимо, каким-то неизвестным вирусом, пришитым к нему вместе с ошибочной рукой, – это вынести себя за рамки системы. А по-простому говоря, сбежать из зомбиленда. Далее закономерно встал вопрос – куда? Отравленные земли на юге за Барьером исключены были сразу. Выжженная, испорченная в древних войнах пустыня, по которой шатались мутировавшие животные и не-совсем-человеки, не могла обеспечить ни приют, ни безопасность.

Значит, оставались соседние зомбиленды. Если он заразился неадекватностью, то в столь неадекватных местах ему должны быть рады. Немного спорная, конечно, мысль. С чего вообще кому бы то ни было радоваться его появлению? Однако за неимением другой стоит остановиться на ней.

Школьный курс географии он по глупости стер с подкорки еще в институте. Впрочем, из зомби-панельных репортажей у него сложилось стойкое ощущение, что в Заокеанский Зомбиленд ему не попасть, по той простой причине, что находится тот за океаном. А возможно, и за несколькими. Кстати, сколько их всего? Плевать, не надо отвлекаться на мело-

чи.

Восточный Зомбиленд вроде бы находился поближе, но то ли за какими-то горами, то ли за пустынями. И, кроме того, там выводят крысоящеров и скармливают им зомби. Последний виденный им по зомби-панели новостной сюжет въелся глубоко в сознание. Таким образом бежать можно и нужно только на Запад. Оставалось решить как.

Туризм в Центральном Зомбиленде процветал, но исключительно внутренний. И не просто внутри зомбиленда, а внутри каждого отдельного мегаполиса. В частности, М-полис по границе пригородов до начала аграрной зоны был окружен целой цепочкой из множества санаториев и рекреаториев. Они с Линой там часто бывали, вроде бы, судя по иногда обнаруживаемым медиа-записям и старым комментам в сетях. Эх, Лина, Лина-один, Лина без номера и единственная, все же тебя будет не хватать больше всего.

Хватит соплей, нужно держать себя в руках. До чего же бессмысленное выражение. Кирилл улыбнулся и крепко обхватил в этот момент себя руками. Ничуть не помогает.

Значит, по туристическим трассам можно выбраться из жилых районов полиса, добраться до границы аграрной зоны. А там, по логике, должны начинаться промышленные и торговые трассы. Ведь полис каким-то образом получает агропродукцию и товары из других полисов (а судя по количеству санкций и исключений из них, даже из других зомбилендов). Как же ему не хватает стертого курса по географии

и незакачанного на подкорку институтского курса логистики. Зачем ему в сложившейся ситуации история финансовой системы, ради которой он пожертвовал ими?

На улицах было еще пустынно и тихо. Только автоматические рободворники в намалеванных оранжевых жилетах с веселыми напевами на неизвестном машинном языке соскребали мусор с тротуаров и мостовых. Утренний холодок заставил Кирилла поежиться. Хотя находиться на свежем воздухе после целого дня, проведенного взаперти, все равно было очень приятно. Станция метро, с располагающим названием «Люблино», находилась примерно в десяти минутах ходьбы от унылого высокого блок-квартала, что прятал маленькую квартирку маленькой оставленной им Аделины. Приставучий весенний ветерок, еще таскавший вдоль улицы ночные сквозняки, напрочь выдул из головы остатки тоскливых мыслей.

Кирилл шагал между темными громадами домов и улыбался осветленному восходом небу. Шедший навстречу зомби лет сорока в замусоленной старой куртке, увидев Кирилла, остановился, как вкопанный, прямо на его пути. По виду техник, возвращавшийся с ночной смены, во время которой следил за роботами на каком-нибудь непрерывном производстве, да раскладывал доисторические пасьянсы на зомбифоне. Чем-то неуловимым напоминает недавнего знакомого Виталия из Химок. Позавчерашний день вылез из кладовки сознания. Как же нереально давно это было, почти что в

другой жизни.

Кирилл позволил себе легкий вздох и, не притормаживая обогнул остолбеневшего случайного прохожего. Голова того, как на шарнирах, плавно повернулась вслед Кириллу. Даже рот слегка приоткрылся в попытке что-то сказать, но звуки не покинули его. Одинокий зомби долго еще смотрел вслед удаляющемуся незнакомцу.

Такая реакция на его появление напугала и расстроила Кирилла. Отойдя подальше, он свернул в пустой закоулок и тщательно осмотрел себя и одежду. Вроде ничего неадекватного не выпирало. Будем надеяться, что зомби-техника смутили белые ярлычки второй категории, встреченные в такой ранний час, в таком третьеразрядном районе. В любом случае, стоило ускорить шаг.

Станция подземки встретила Кирилла многолюдием и шумом. Слово «многолюдие» было на вкус какое-то древнее и неподходящее. Люди давно вымерли и правильнее было бы сказать «многозомбие», но такая версия вообще никак не ложилась на язык.

Проникнув под землю с помощью зомбифона Лины-два, вряд ли она уже проснулась и сообщила кому-нибудь о потере, Кир уже через полчаса добрался до станции «Калужская». Всю дорогу он старался быть как можно более незаметным, забивался в самую густую часть толпы, ни на кого не смотрел, изучая демонстрируемый на вмонтированных в стенки вагона панелях план подземки.

Метро М-полиса и при других обстоятельствах стоило бы изучения. Паутиной разбежавшиеся из центрального узла ветки, обвязаны пятью пересадочными кольцами. Самое большое кольцо проходило через близкие пригороды, вроде Троицка и Домодедова. При этом многочисленные нити тянулись и за кольца, в пригороды дальние – Серпухов, Клин, Коломна, Дмитров, Тверь... Малоизвестные названия не вытаскивали из подкорки никаких фактов. Знакомых из этих мест у него не было. Наверно, типовые скопища блок-кварталов, разделенных зелеными секторами. С миллионами обычных адекватных зомби-особей, пробуждающихся в эти часы, чтобы пойти на свою стандартизированную работу. За дальними пригородами поселений не было. Там простирались бесконечные аграрные зоны, разбитые лесополосами на ровные обработанные квадраты полей и усеянные точками робомеханической инфраструктуры.

Доисторическая идея о том, что поселения должны быть распределены более-менее равномерно по всей занятой территории, давно признана экономически порочной и неадекватной. В Центральном Зомбиленде вся масса населения концентрировалась в нескольких мегаполисах. Остальные же территории вплоть до Барьера на юге и холодных морей на севере были отданы во владение аграрной и ресурсодобывающей технике. Такой подход дает максимальный положительный экономический и социокультурный эффект, позволяющий зомби-особям счастливо и адекватно функциони-

ровать. (Смотри школьный курс «Общее устройство и базовые ценности зомбиленда» (краткая версия).)

Интересно, но Кирилл ни разу ни в новостях, ни в иных программах не слышал данных о точном или хотя бы приблизительном числе зомби, населявших его родной зомбиленд. Неизменно сообщалось только то, что рождаемость в зомбиленде повышается год от года, и за счет адекватности населения и руководства Центральный Зомбиленд стабильно обгоняет по этому показателю своих неадекватных соседей. Точно так же никогда не обсуждались конкретные данные об экономике и государственных расходах (впрочем, и о доходах тоже). Общие фразы о неуклонном росте благосостояния и новых программах поддержки и защиты зомби-социума переполняли экономические программы и расплескивались на остальную сетку вещания зомби-панели.

Однако это так, к слову. Гораздо хуже было то, что невозможно оказалось выудить из памяти даже минимальную информацию о границах зомбиленда, расположении других мегаполисов и транспортном сообщении между ними. Вроде бы на юге от М-полиса, существовал РД-полис, а на севере – СП-полис. Смутно припоминалось, что на востоке до гор стояли еще два или три полиса. Только вот, где эти полисы располагаются и как туда попасть неизвестно, да особо и неинтересно. А вот на западе существовал, по еще более туманным воспоминаниям из школьных курсов, МБ-полис, через который должна идти и, видимо, идет торговля с За-

падным Зомбилендом. Именно туда, наверно, и стоило направиться, если бы не небольшая проблемка. Как понять, где запад, а где его нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.